

*Галина
Гончарова*

9

ЧУЖИЕ ДОРОГИ

Средневековая история

12+

Галина Дмитриевна Гончарова

Средневековая история. Чужие дороги

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68343704

SelfPub; 2022

Аннотация

Приключения семейства Иртон продолжают. Плетет интриги король Авестера, объявляется в Ативерне кровавый убийца. А что же Лилиан? Ее сиятельство, графиня Иртон, как всегда, в центре событий. Судьба такая...

Содержание

Пролог	5
Глава 1.	8
Глава 2.	59
Глава 3	111
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Галина Гончарова

Средневековая история. Чужие дороги

Не убий!—

в полумраке грошовые свечи горят...

Из глубин

возникают слова и становятся в ряд.

Если боль

и набухли кровавые кисти рябин,

если бой,—

кто услышит твое: «Не убий..»?

Роберт Рождественский – Не убий

Пролог

Человек медленно слизнул кровь с лезвия ножа.

Красная, горячая...

Такая живая, такая настоящая...

А вот он – нет.

Все видят только внешнюю оболочку. Красивую, очаровательную, но пустую и мертвую вот уже несколько лет...

За что?

Так кричала эта девчонка.

За что... вечный вопрос, на который никогда и ни у кого нет ответа!

А за что с ним поступили именно так?

За что его убили? За что? Он ходит, разговаривает, даже улыбается, но это – внешность, а внутри все давно уже умерло. Давно...

Голова начала болеть, и человек еще раз облизнул клинок. Это помогло.

Прикус крови на губах, то ли чужой, то ли своей... ах, неважно. Лишь бы эта ужасная боль хоть ненадолго унялась, приразжала свои когти...

Завтра человек будет выглядеть так же, как и сегодня, и вчера, никто ничего не заподозрит. Но вот это время – его! И никто не покусится на пару оставшихся минут. Всего пара минут, в которые он может выглядеть самим собой. Пара

минут, когда боль еще не запускает когти в податливое тело, когда не надо носить маску, когда можно расслабиться и улыбнуться.

Половина Ативерны поседела бы, увидев эту улыбку. Безумную. Откровенно страшную. Убийца наслаждался, глядя на распростертое перед ним тело. Почти экстаз. Почти оргазм.

Не жаль?

Нет, никого не жаль. Его никто не пожалел, ну так пусть поплатятся за свои подлости!

Истекают последние секунды.

– Ваша светлость, карета подана...

Человек кивает и выходит из темного переулка. Проходит пару улиц неспешным шагом, садится в карету.

Доски с дверей уберут потом, когда они окажутся на центральных улицах. Потом...

У убийцы есть доверенные люди. Они знают многое, они помогают загонять жертву.... Забавно.

Он словно на охоте с верными псами. Загонной охоте на самую вкусную и сладкую дичь – человека. Мысль смешит убийцу так, что с губ срывается единственный искренний смешок. Горький, едкий, словно кора с хинного дерева. Потом он себе уже такого не позволит.

Только сейчас, пока не слышит никто, кроме троих доверенных людей.

Убийца возвращается к нормальной жизни.

Его зверь сыт. Он наелся свежего мяса.

Надолго ли?

Кто знает...

Глава 1.

Мирное время

– Мам!

Лиля оторвалась от книги и посмотрела на дочь.

– Да, солнце мое.

Миранда Кэтрин Иртон, которая успела вытянуться и стать очаровательным большеглазым подростком с гривой черных волос, была чем-то расстроена. Определенно. Давно уже не было, чтобы дочь бросалась на шею, прижималась и зарывалась лицом в материнское платье. Ох, давно... Она же взрослая! Скоро замуж, вот, надо уметь себя подать...

– Мама!!!

А вот случилось. И Лиля прижимала к себе малявку. Да, малявку, потому что для нее Мири всегда останется дочкой, малышкой, ее солнышком, которое в любой ситуации надо защищать.

Когда, по мнению родителей, вырастут дети?

Никогда.

– Мири, что случилось?

Лиля гладила дочь по черным волосам, а мысли были простые.

Все живы, все здоровы, значит, ничего трагичного не происходит. Вообще, имелся только один человек, за которого

Лиля действительно переживала, и который не пребывал постоянно у нее на глазах. За всех остальных она была спокойна, всех видела с утра.

Его величество Эдоард.

Его величество явно доживал последние месяцы. Сколько ни виться веревочке, а сердце у старого короля было большим еще с тех времен. Да... давно это было.

И Мири была еще кнопкой, и Лиля была совсем другой...

Мысли совершенно не мешали Лилиан гладить ребенка по голове и всячески успокаивать. Пусть прорыдается, там объяснит, что случилось.

Старинный метод не подвел, Миранда вытерла нос и выдала.

– Риану убили!

– Как?! – ахнула Лиля.

Подругу дочери она отлично знала.

Виконтесса Дилан, милая девушка семнадцати лет, помолвленная и собирающаяся этой осенью выходить замуж. С Мири у них была разница чуть не в четыре года, что совершенно не мешало девушкам дружить. Виконтесса частенько заезжала к Иртонам, и Лиля не раз беседовала с ней. И вот – ее нет? Ее убили?

Да кто ж...?

За что?

КАК?!

Кошмар совершенно не укладывался в голове. Этого не

может быть просто потому, что такого быть не может! Это чудовищно, непредставимо... как и любая потеря близкого человека.

– Не знаю... нашли ее сегодня в городе...

Мири хлюпала носом.

– Ну-ка, выпей... хочешь взвара?

Лиля подсунула Миранде «чайный набор».

Да, до вкусного чая тут еще не доросли, а точнее, нигде его просто не нашли. Так что обходились специальной смесью, во всяком случае, Лиля. Душица, мята, малина... уж что-то, а травы Лилиан Иртон отлично знала.

Поди, поживи в девяностых без лекарств! Поневоле всю «зеленую аптеку» выучишь. А уж когда лекарства подделывать начали... с-сволочи! Вот кого бы тогда еще Аля Скороленок расстреливала без размышлений! Ладно еще деньги подделывать, но лекарства, от которых часто жизнь людей зависит?

Гррррр!

Убить, без размышлений!

Миранда пила и успокаивалась.

Лиля постепенно заговаривала ей зубы, успокаивала, а потом принялась расспрашивать родного ребенка.

История получилась неоднозначная.

Риана Дилан была помолвлена. Как это принято – жениха выбирали ее родители. Симпатичный тридцатичетырехлетний маркиз Лиле был знаком. Но...

Разница в семнадцать лет!

Естественно, Риане он казался древним динозавром. А уж Миранде и подавно. Любовь? Да какая там любовь, разве что потом вспыхнет! Если у мужа мозгов хватит ее вырастить из семечка уважения.

А не хватит – будет рога носить. Не он первый, не он последний.

Маркиз оказался достаточно умным, чтобы договориться с родителями девушки, но недостаточно сообразительным, чтобы договориться с самой девушкой. Риана была из тех девочек, которым книги интереснее украшений. Да и конфеты она не любила, предпочитая солености и копчености. А маркиз подошел к делу стандартно.

Побрякушки, цветочки, сладости – и ничего, интересного лично девушке. Да еще начал распускать руки.

Понять-то можно, помолвка по местным меркам почти что свадьба, но Риана понимать не захотела. Первое время девушка терпела, потом начала жаловаться подруге, потом жаловаться перестала, и Миранда готова была поклясться, что у нее – любовь.

Но с кем?

Об этом Риана молчала, упомянула лишь, что возлюбленный не свободен.

– Женат?

– Риана говорила, что он связан обязательствами.

– Хм...

Миранда пару раз прикрывала подругу, естественно, не зная, куда та отправилась. А потом...

Теперь Мири чувствовала себя виноватой. Лиля вздохнула.

Вообще-то – правильно чувствовала. Но что вы хотите от малявки, которой и пятнадцати лет еще нет? Просто – что?

Чтобы она рассуждала, как много проживший человек? Который все знает, все видел, не совершает глупостей... интересно, есть ли такой экземпляр в природе? Лиля не отказалась бы получить его для анатомического музея. Хотя бы в перспективе.

Ведь все мы делаем глупости. Все...

Она не исключение, Лиля это отлично знала. Только вот как все объяснить Миранде?

– Малышка, ты и сама понимаешь, что вы обе оказались не правы?

Мири кивнула. Она ожидала, что мама снимет с ее плеч груз вины, но... ведь и правда виновата. Разве нет?

– Если бы ты мне сразу все рассказала, было бы проще.

– Чем?

Лиля пожала плечами.

– Я не пошла бы к родителям Рианы, ты это понимаешь. И лезть бы не стала. Но имя загадочного возлюбленного узнать стоило бы.

Мири уронила лицо в ладони.

– Риана молчала.

– Она его никак не называла?

– Н-нет...

– А прозвища? Котик, пупсик, зайчик...?

Мири опять замотала головой.

– Нет. Хотя... пару раз она упоминала, что ОН старше.

Ненамного, но старше.

Лиля вздохнула.

– Мири, я вечером приглашу Ганца. Поговори с ним, хорошо? Вспомни все, что говорила Риана, все, что она делала, все, что можешь. Куда ходила, что покупала, может, шла со свидания и купила ленту, может, ей понравился флюгер или калитка, понимаешь?

Мири закивала.

– Мам... я ведь могла ее остановить?

– Не могла, – жестко ответила Лиля. – Вы обе с ней виноваты в безответственности. Но ты не виновата в ее смерти. Она не могла знать, ты не могла предвидеть, но принять элементарные меры предосторожности ты могла. И ее заставить – тоже.

– Например?

– Говорить, куда она идет. Когда вернется. Записать в свой дневник имя, предупредить любовника, что о нем все знают...

– Ой...

Мири побледнела.

Лиля едва не тряхнула от души дочку.

– ЧТО!?

Но внутри, где-то в районе живота, или даже еще глубже, где сидят дурные предчувствия, она уже понимала, *что* именно. И осознание разрасталось холодом, словно на уровне пупка воткнулась ледяная игла, мешая дышать и смотреть.

– Мам, а ведь Риана и правда могла такое сказать.

– Почему ты так думаешь?

– Я сама ей это посоветовала. Сказала, что можно не называть имени, но пусть хоть намекнет любимому...

Желание потрясти соплячку сменилось желанием надрать ей уши. А потом – защитить. К примеру, запереть дома, или спрятать в бронированную камеру. В шагающий сейф, вот! Жаль только, до изобретения программы защиты свидетелей в этом мире еще несколько веков пройдет!

– Ты у меня без сопровождения даже до ветра не выйдешь! Поняла?

Мири закивала.

– И Ляля всегда со мной...

– Вот и чудненько. И не расставайтесь, ясно?

Миранда кивнула.

Ляля, выросшая в матерущую собаченцию, размером едва ли не больше хозяйки (весом так точно больше) не даст малявку в обиду. А в остальном...

За что Лиля готова была сейчас всех богов благодарить, это за собственную предусмотрительность. Мири предстоит

выйти замуж в Ханганат. Что можно ожидать от места, где существуют гаремы?

Ничего хорошего.

Опыта у Лилиан не было никакого, она сильно подозревала, что в гареме ее сожрали бы дня за два, а потому она собирала в копилку дочери все, что могла.

К примеру, умение определять яды на вкус. Этакая токсикология в зародыше, не слишком большая и подробная, но вдруг?

Не существует по-настоящему безвкусной отравы, не пришло еще то время, когда достижения химической промышленности вытеснят с рынка цианид и белладонну. У любого яда есть свой привкус, свое противоядие, свои признаки отравления... распознать, понять, с чем имеешь дело, выжить – дай Альдонай, чтобы это не оказалось нужным ее девочке. А знать все равно надо.

Умение постоять за себя – вирмане серьезно отнеслись к просьбе и тренировали юную виконтессу. С мечом Миранда управлялась плоховато, но кинжалы все признали ее оружием. Метала их девочка точно в цель.

А еще стреляла из арбалета и неплохо попадала в цель из пращи.

Мало? Очень мало.

Но что еще могла сделать Лиля?

Ничего. Дети взрослеют и рано или поздно уходят в большой мир.

Не спрячешь, не убережешь, не закроешь дома. Они тебе этого первые и не простят.

Что мы можем сделать?

Только то, что сделали и с самой Алей. Дать дочери знания, умения и навыки, которые позволят выжить в любой ситуации. Чтобы Мири смогла постоять за себя.

Чтобы случись что с ее родителями, она все равно смогла выжить одна. Ни на кого не рассчитывая.

Удалось ли это?

Жизнь покажет.

И Лиля с чистой душой принялась писать записку Ганцу Тримейну. За прошедшие годы лэйр успел получить титул и стал начальником королевской расследовательной службы. Первый последователь Шерлока Холмса в мире Ативерны.

Первый сыщик.

Да, у него бывали и удачи и неудачи, бывали ляпы и проколы, но – первопроходцу прощается многое. Может, еще и орден имени Тримейна учредят, улицу назовут или мемориальную доску на здание повесят, кто знает? Лиля все поднаживала его написать мемуары, или хотя бы записки по каждому делу супруге оставлять. И ей дело – летописи вести, и ему дело. Опыт передавать как-то надо.

Нет, ну кто убил Риану?

Хотя подозрения у Лили и так были.

Как ни странно, в любых мирах чаще всего женщину убивают или мужа, или любовники. Финансовый вопрос идет

уже потом. А вот сексуальный, или шантаж, или...

К примеру, если Риана была беременна и хотела оставить ребенка, а отец плода его не хотел?

Увы, патологоанатомом Лиля не являлась. И даже не желала осваивать эту отрасль. Знала она Тримейна, ему только намекни, потом придется годами трупы потрошить. И ведь не отцепится...

Нет уж!

Несложные операции Лиле может и удастся поставить на поток, но о торакальной хирургии, или о нейрохирургии оставалось только мечтать. К примеру...

Вот и патологоанатомию придется развивать потомкам. Если у кого возникнет интерес к этому виду деятельности.

Итак...

Достопочтенный Тримейн, не соблаговолите ли составить нам компанию за ужином...?

Ужин проходил в теплой дружеской обстановке. Ганц, приехавший один, без супруги – та опять была на сносях, на последнем месяце беременности, Джерисон, Лиля, Миранда, Эрик, Лейф с Ингрид и даже Торв, племянник Ингрид, который собирался вскорости вернуться на Вирму.

Тахир сегодня остался в лечебнице.

Зато обе собаки были здесь. Что Ляля, что Нанук, сиде-

ли рядом с хозяевами и смотрели на тарелки. Нет, не попрошайничали. Но вдруг у хозяина рука или сердце дрогнут? И вкусный кусочек свалится в пасть?

Бывает ведь такое?

Бывает, надо только не пропустить момент.

Неудивительно, что разговор завязался не самый простой. Особенно для Миранды.

– Я знала, что Риана влюбилась. Но я не думала, что она пойдет так далеко...

– Зашла, – вздохнул Ганц. – Мири, твоя подруга была беременна. Я с ее служанкой поговорил, та и призналась, что госпожа уж месяца два, как в тягости. Просто не сразу сама все поняла...

– Риана мне не говорила.

– Но наверняка сказала отцу ребенка. Так что ты должна вспомнить все, что она говорила.

Мири кивнула.

Ганц потер переносицу.

– Самое худшее в другом. Это уже четвертый труп.

– Что?!

– Как?!

– Быть не может!

Несколько возгласов слились в один.

Ганц печально опустил глаза.

– Да, именно так. Это не первое дело. Первой жертвой была дочь купца, потом две дочери мастеров...

– Почему их объединили в серию? – жестко спросила Лиля. – Какие общие признаки?

– Плохие, – отозвался Ганц. – Точно можно рассказывать? Дамы?

Дамы переглянулись и фыркнули. Тех, кто присутствовал на операции, рассказами не напугаешь. А Ингрид – вообще вирманка, у них особое отношение к смерти и боли.

– Внешность. Все четыре – блондинки, статные, красивые, все из хороших семей.

– Внешности мало. Еще что?

– Сувениры. У каждой их девушек отрезан мизинец. У каждой на щеке поцелуй.

– Поцелуй?

– Отпечаток губ. Кровавый.

Лиля сморщила нос.

– Пропали только... фрагменты?

– Кажется, кое-что из личных вещей тоже пропало. Ленты из волос, кольца, но это не совсем точно. Родители не знали каждую побрякушку девушек.

– Хм.

– Да, я тоже подумал об этом. Но мне кажется, что это – безумец. Маньяк.

Лиля вздохнула.

Нет, ну только Джека-Потрошителя в Лавери не хватает.

– А способ убийства?

– Нож. Во всех случаях – нож.

– Девушек убили сразу – или сначала помучили?

Джес покачал головой. Он искренне считал, что женщина не должна рассуждать о таких вещах. Но ведь это его Лилиан! Совсем другая.

Единственная в мире.

И если ей это не портит настроения, почему нет?

До встречи с супругой он искренне считал женщин тонкими и хрупкими натурами, эфемерными созданиями, рядом с которыми не стоит даже упоминать о чем-то серьезном, тем более – обсуждать преступления.

Помощь?

Поддержка?

От женщины?!

Помилуйте, о чем вы говорите? Женщины на это просто не способны! Куда им!

Оказалось, что он женат на той самой, единственной, которая способна на все. И наладить производство кружев, и прооперировать рану, хладнокровно вытащив из человека штук шесть наконечников стрел, и удрать из охваченного мятежом города, и убить человека...

Джес не мог сказать, что все грани характера супруги приводили его в восторг. Но женщин много, а его Лилиан – единственная. Хочется ей обсуждать кровавые подробности – пусть. Тем более, ему и самому интересно. Так пришлось бы ждать конца ужина и вежливо избавляться от женщин, а с Лилиан такого не получится. И обсудит, и расспросит, и

искренне удивится, если ей кто-то скажет, что так себя вести графине не подобает. Еще как подобает!

На то она и графиня, чтобы нарушать правила!

– Не сразу, – хмыкнул Ганц. – Очень не сразу...

– Играли или пытали?

– Скорее, первое. Но вряд ли это серьезно отличалось от второго, – Ганц невозмутимо расправлялся с кабанятиной.

Лиля задумчиво кивнула.

Ей такие вопросы тоже аппетит не портили. А вот появление маньяка в Лавери нервировало.

Что б его черти не в Уэльстер понесли?

Или вообще – в Авестер?

Хотя нет. Девушек везде жалко. И родятся ж на земле такие уроды!

Утешило лишь одно. Презумпции невиновности здесь нет, адвокатов тоже, так что когда маньяка поймают, никакого тюремного заключения ему не будет. Скорее всего, колесуют. Или что-то поинтереснее придумают.

И поделом.

Тратить ресурсы государства на то, чтобы подонок пожил подольше? А то еще вышел и увеличил число своих жертв?

С точки зрения Лилиан – совершенно неправильный подход. А кто думает иначе – в морг, господа, в морг. Да не помирать, а посмотреть на то, что такие мрази с людьми творят. Представить на месте жертвы кого-то родного.

И быстро поменять мнение.

Авестер.

Мужчина на троне был красив. Без преувеличения.

Светлые волосы, мускулистая фигура, очаровательная улыбка... ей-ей, фаворитки мечтали согреть его постель не только из-за короны на голове.

Но...

Мало кто из фавориток видел его – таким.

Когда серые глаза становятся почти белыми, как лед на грязной луже, когда губы сжимаются в тонкую нить, а скулы резко выделяются, делая лицо похожим на рельефную маску. В таком состоянии его величество Энтора мало кто видел, и слава Альдонаю. Спокойнее жить будут.

Без кошмаров.

Стоящий перед тронем мужчина, впрочем, страха не испытывал. Вины он за собой не знал, зато понимал, что необходимо. И чего переживать раньше времени?

– Ативерна процветает.

Барон Лофрейн поклонился. Вот уж с чем он не собирался спорить.

Да, процветает. И что?

Хотя он и так понимал – что именно.

Пятьдесят лет уж прошло, поколение сменилось. А ненависть...

Ненависть осталась.

И эта ненависть несла имя красивой женщины.

Имоджин.

Несчастливая королева Ативерны. Нелюбимая мужем, ненужная, нежеланная, униженная и оскорбленная. Королева, на место которой посадили едва ли не уличную девку!

Леонар любил сестру. И ненавидел Эдоарда Ативернского. Эту ненависть он и передал сыну, немало не задумываясь о последствиях. А потом добавилась еще одна обида, теперь уже за дочь.

Лариссия.

Далеко не самая красивая девушка, которая влюбилась в красавца принца. А к ней даже свататься не стали. Даже не рассматривали Авестер, чтобы выбрать невесту Ричарду Ативернскому. Ну да, родство близкое, но альдон мог бы выдать диспенсацию.¹ Тем более, что союз мог быть выгодным, да и приданое давали хорошее, и сама Лариссия влюбилась – разве мало? Более, чем достаточно для любого.

Ан нет!

Второй раз королеве из Авестера предпочли какую-то девку!

И не то, чтобы Леонар был сильно неправ. С точки зрения любви – виконтесса Иртон просто любила. С точки зрения морали – как называется женщина, которая соблазняет чужого мужа?

То-то и оно. И не надо отговариваться, что для королей другие правила. Порядочность всегда остается порядочно-

¹ в данном контексте – разрешение на брак, прим. авт.

стью, а подлость – подлостью. Джессимин и Эдоард любили друг друга,, но недаром говорят – не давши слово – крепись, а давши – держись. Они и не крепились, и не держались...

Разве Имоджин была в чем-то виновата?

Нет.

Но поступили с ней бесчестно. И не стоит оправдывать это чувствами – человек на то и не животное, что хозяин и своим чувствам, и своему разуму.

А уж Анелия Уэльстерская, которую предпочли Лариссии! Это вообще плевок в лицо!

Да, не все были в курсе той истории, но его величество Леонар смог кое-что разузнать по своим каналам. Тоже мне, девственница-невеста! Которая до свадьбы спуталась с учительшкой, а потом вообще сбежала невесть куда!

Образец достоинства!

А раз одна такая, то и сестры там не лучше, разве нет? И вот ЭТО выбрали вместо Лариссии?

Наглость и оскорбление!

И с точки зрения ныне покойного Леонара, и с точки зрения Энтора. Может быть, Леонар, останься он жив, и не полез бы в драку. И не стал ничего предпринимать. Худой мир, он всегда лучше доброй ссоры, особенно в политике. Но Энтор не обладал мудростью своего отца, был молод, азартен и жаждал реванша. За что?

А, за все и просто так!

Ох, не вовремя умер его величество Леонар.

Отчего умер его величество? Нет-нет, ничего необычного в его смерти не было. Лиля могла бы квалифицировать болезнь его величества, как прободную язву. А такое и в двадцать первом-то веке не всегда лечат, иногда просто довести не успевают.

Бывает. Больше тут ничего не скажешь.

Увы, человек умер, а ненависть осталась. И ладно бы – ненависть!

Легко стерпеть, когда твой враг болен, несчастен, в печали... но так?

Чтобы все в Ативерне было замечательно? Чтобы Ричард счастливо женился и уже ожидал первенца, чтобы королевство богатело, славясь своими зеркалами и кружевами, стеклом и лекарями...

Ативернский докторус – последнее время это словосочетание стало едва ли не знаком качества. И это было еще более обидно.

Почему Эдоарду доступны лучшие докторусы, а его величеству Леонару, а теперь и Энтору – нет?

Почему им все, а в Авестере ничего такого нет?

Это не просто обидно, это может подвигнуть на определенные действия. Какие?

Да простые. Отнять и поделить. Если у богатого взять немножко, это не грабеж, это дележка. Так рассудил его величество Энтор и принялся узнавать подробности.

И выяснилась интересная вещь.

Новинки идут из замка Тараль и графства Иртон.

Лекари идут из графства Иртон.

И вообще, куда пальцем ни ткни, выплывает одна светло-волосая графиня. Энтор заинтересовался и приказал копать глубже. Понял, что Лилиан Иртон если и не стоит за многим, то уж точно причастна. А еще...

Еще она замужем за иртонским ублюдком, еще она дружит с его величеством и с его высочеством.

Информатор уверял, что Лилиан Иртон очень многое знает. Даже если на передний план и выставляют кого-то другого, она обязательно там тоже будет. И она стоит за всеми новинками...

Именно она.

И она – женщина.

Слабая, податливая, привыкшая подчиняться мужчинам. Ее легко запугать, заставить, в конце концов...

В конце концов, ее исчезновение причинит горе всем, кого ненавидел Энтор. А раз так...

Надо действовать.

Так что барону давалось задание.

Похитить Лилиан Иртон. Привезти в Авестер. Сделать это тайно, чтобы и следов не нашли...

Справится – графом будет. Не справится – вообще не будет. Не то,, что графом, а просто, на этом свете.

Барон слушал внимательно. Но особого значения миссии не придавал.

Похищение?

И что в нем сложного? Ладно бы кого другого красть, а то какую-то бабу. Пусть о ней и отзываются крайне лестно, что в этом такого? Баба – она и есть баба.

Барон поклонился и согласился выполнить поручение его королевского величества.

Конечно, это не займет много времени и сил. Надо просто съездить в Ативерну, вот и все.

Причины для самоуверенности у барона были. Если в Ативерне популярностью и славой покорителя дамских сердец пользовались Ричард Ативернский и Джерисон Иртон, то в Авестере это место принадлежало барону Лофрейну. Хорош барон был, словно картинка.

Темно-каштановые волосы кольцами, зеленые глаза, черные брови вразлет, твердый подбородок, высокие скулы – лицо то ли падшего ангела, то ли распутного демона. И телосложение соответствует: высокий рост, широкие плечи, узкие бедра, длинные ноги... в его объятиях побывала не одна придворная дама. Даже не один десяток придворных дам.

Уважение к женщинам барон потерял еще на третьем десятке. А веру в женскую честь – еще раньше.

Лириан Иртон?

Барон искренне считал, что и тут проблем не будет. Съездить, соблазнить, уговорить на побег – месяца хватит. Крайний случай – два месяца. Ничего сложного, ничего страшного.

Почему бы не прокатиться в Ативерну?

Он еще раз поклонился его величеству и заверил, что поручение будет выполнено. Любой ценой.

Энтони Лофрейн в жизни не знал ни в чем отказа. Единственный сын Ганца Лофрейна и Аманды Лофрейн был любим с детства всеми окружающими. Сестрами – за то, что отец, получив долгожданного наследника, перестал напиваться, как свинья и швыряться всем, что попало под руку. Амандой – за то, что Ганц вновь стал обожать свою супругу. И разумеется, отцом.

Для Ганца сын в этой жизни был всем. Продолжением его рода, надеждой, опорой, гордостью и радостью. Он мечтал о сыне, желал сына всем своим существом, но как назло, супруга рожала ему только девочек.

Дворовые девки исправно приносили мужчине бастардов, но кому были интересны ублюдки?

Грязная крестьянская кровь... нет, Ганцу хотелось законного наследника, а Аманда родила ему шестерых дочерей одну за другой.

Ганц пришел в отчаяние.

Он начал пить, гулять, поколачивать жену, и мечтал (про себя, но от Альдоная не скроешь), что Аманда умрет в очередных родах, можно и вместе с девкой, которую опять выродит на свет, а он получит свободу. И женится на ком-то,

кто родит ему мальчика.

Может, так оно и случилось бы, рано или поздно, но седьмые роды увенчались успехом для Аманды. Она родила мальчика.

И барон, получив долгожданного наследника, со всем пылом неофита взялся за его воспитание.

На девочек он не обращал внимания – они уйдут из семьи. А вот на мальчика, на продолжение его рода, его кровиночку...

Сын!

Ганц оказался безумным, сумасшедшим отцом.

Колыбелька стояла в его спальне.

Кормилиц он отбирал лично.

Няnek – тоже. А если ребенок плакал, то барон мог сам брать его на руки и укачивать. Немыслимое дело? Да, но барон Лофрейн действительно оказался сумасшедшим отцом.

Когда родился второй сын, Руфус, Ганц уже не проявил такого восторга. Вся его любовь, все обожание достались Энтони. Руфус, кстати, был единственным человеком, который действительно не любил своего брата. Все остальные же...

Люди видели то, что хотели видеть. Красивое лицо с точеными чертами, копна каштановых волос, зеленые глаза, очаровательная улыбка, манеры... в бархатном костюмчике с кружевным воротничком, мальчик был неотразим.

Не утратил он своего очарования и потом. И в седле горячего жеребца, на кровавой загонной охоте, и в гостинной

с пожилыми дамами, он был одинаково мил и любезен. Он улыбался всем – и не любил никого.

Энтони очень рано понял, что любят в этом мире только его.

В его системе координат это было хорошо и правильно. И больше всего Руфуса коробило то, что блистательный брат его не просто не любил – в упор не видел.

Не замечал.

Руфус для него не существовал. Ну да, есть там что-то мелкое, но кому оно может быть интересно? Уж точно не Энтони Лофрейну...

Тем более, что Руфус рос, в противоположность брату, маминым ребенком.

Не избалованным и заласканным слюняем – на это у баронессы просто не оставалось сил, после рождения Руфуса докторус прямо запретил ей беременеть, заявив, что следующие роды убьют женщину. Барон принял это спокойно – наследник у него уже был, даже запасной был, так что Ганц Лофрейн покинул постель жены и переключился на служанок.

Баронесса с облегчением выдохнула и занялась воспитанием дочерей и сына.

Старшего сына барон от себя не отпускал, а младший рос домашним, спокойным и тихим мальчиком. Книжным, неглупым...

Руфус обожал сидеть в библиотеке, копаться в рукописях,

управлять делами поместья...

Энтони блистал в свете, привлекая к себе всеобщее внимание.

Руфус влюбился в шестнадцать лет – и наповал. Любовь поразила его, как выстрел из арбалета и надолго пришила чувства юноши к стене, именуемой Мелинда Уэйс.

Энтони менял девушек, как перчатки. Хотя кто-то и перчатки меняет реже, все же хорошие аксессуары дороги. А девушки?

Одной больше, одной меньше... Мелинду он не затащил на сеновал только потому, что красotka была дочерью соседа. А хорошие соседские отношения стоили завязанных штанов. Все равно между ног у нее то же самое, что и у остальных.

Девочек много, и на них не придется жениться. И не придется выслушивать упреки, возмущения... а потому в доме Лофрейнов образовался классический любовный треугольник.

Мелинда бегала за Энтони, Руфус сох по Мелинде.

Баронесса все это видела, но что она могла предпринять? Разве что поговорить с младшим сыном. Руфус, как сейчас, помнил этот разговор, мягкие пальцы матери на своей щеке, ее грустную улыбку.

– Не женись на Линде, сынок. Не надо.

– Мам...

– Я знаю, ты хочешь сделать ей предложение.

Руфус действительно хотел. Стерпится-слубится, не так

ли? А дети пойдут и вообще хорошо будет

– Не женись на ней.

– Потому что она любит Тони? Да, мам?

– Да, малыш.

– Это пройдет. Как наваждение...

И горькая улыбка матери, и ее все понимающие глаза.

– Не пройдет, сынок. Ты приведешь Линду в дом, где Тони постоянно будет у нее перед глазами. А опасности уже никакой не будет, она станет замужней женщиной. Девственность беречь не надо, можно соблазнять и быть соблазненной. Рано или поздно ты возненавидишь и брата, и жену за то, что неизбежно случится. И кто знает, чем это еще обернется.

– Это худший вариант, мама. Линда может и переболеть Тони. Разлюбить его...

– Тогда будет только хуже, Руф. Мы, женщины, больше всего ненавидим не за сделанное. За несбывшееся.

Руфус медленно кивнул.

– Я понимаю, мам. Но... я не могу обещать тебе...

– Не обещай. Но подожди год.

– Это я могу.

– И не говори этот год с Линдой.

– Хорошо, мама.

Год прошел, и оказалось, что баронесса права. Много изменилось, много воды утекло, Линду спешно выдали замуж за богатого вдовца, и оказалось – Руфус узнал это уже потом, что она все-таки соблазнила Энтони. Просто однажды ночью

залезла к нему в постель.

Мужчина, привыкший к женщине под боком, сначала поимел ее, а уж потом разобрался, кто пришел. Как известно, ночью все кошки серы, но наступает день – и некоторые кошатины оказываются породистыми.

Разгорелся скандал.

Усугублялся он еще и тем, что Уэйсы поверили Энтони, а не своей дочери. Мелинда кричала, что Тони ее изнасиловал.

Тони кричал, что никогда, и никого насиловать не стал бы... дело решила служанка.

Краснея и бледнея, она пришла к господам и сказала, что молодой господин Энтони приказал ей прийти ночью. Конечно, она пришла бы. И пошла, но уже у самой комнаты ее остановила госпожа Мелинда, сунула девушке монету и велела убираться. А сама вошла в комнату.

За этот рассказ служанка получила пощечину от Мелинды.

А потом, когда скандал улегся, еще и хорошую сумму золотом от Ганца и Энтони Лофрейнов. На которую и купила себе небольшой трактирчик в городе. И замуж вышла...

Барон умел быть благодарным.

Руфус стиснул зубы и принялся выкорчевывать из сердца любовь. Занялся делами поместья – и скоро сал управляющим. Он знал о Лофрейне все.

Сколько в нем живет людей – и сколько овец на полях. Сколько вилок в столовой и сколько денег уходит на платья

для сестер.

Сколько они вкладывают в дела и сколько получают... все.

Он управлял, он искренне любил Лофрейн, но понимал, что поместье ему никогда не достанется.

Что ж.

Брат его не бросит и не выгонит. Осталось только найти девушку, которой будет безразличен Энтони Лофрейн, и которая полюбит именно Руфуса Лофрейна. Но увы.

Учитывая, что младший брат был бледной тенью старшего, ждать придется еще долго. А еще... еще надо найти такую девушку, которая не поддастся обаянию Энтони Лофрейна. Тони вполне мог соблазнить жену брата, а носить рога Руфус считал вредным для здоровья. Говорят, они чешутся, когда растут. И в двери проходить неудобно... нет уж. Обойдемся, лучше поищем подольше.

Руфус и правда был похож на красавца-брата, как размытая фотография на оригинал.

Вроде бы те же зеленоватые глаза, те же каштановые волосы, но черты лица мяче и слабее, телосложение скорее худощавое, нежели мощное, робость во взгляде, неуверенность в себе – и увы.

Мужчина просто терялся на фоне Энтони, как свеча при свете солнца.

И сейчас, когда два брата сидели в гостиной, это было особенно заметно.

– Руф, мне надо уехать.

– Надолго?

– Думаю, на полгода. Может, чуть меньше.

– Далеко? – Руфус интересовался не просто так. Ганц Лофрейн почил уж десять лет как, и Энтони стал полноправным бароном. А значит, на всех бумагах требовалась его подпись, на все дела его разрешение...

– Да, далеко. Поэтому подготовь бумаги будешь моим доверенным, пока я не вернусь.

– Куда именно?

Энтони помолчал пару минут.

– В Ативерну, Руф.

– Мы с ними не дружим.

– Это верно. Но я надеюсь у них надолго не задержаться.

– Я могу спросить – зачем? В чем дело?

– Спросить ты можешь, а вот ответить я не вправе. Дело Короны.

Руфус тут же замолчал.

С королем шутки плохи, это уж точно...

– Это... не опасно?

Энтони хохотнул, весело и беззаботно.

– Не волнуйся, я не собираюсь умирать. Но если что... думаю, с Лофрейном ты справишься. Только бабу себе повеселее найди, чтобы дети поживее были. А то сидишь, как вареная селедка...

Если бы Энтони был внимательнее к людям, он бы заметил, как в глазах брата сверкнули злобные огоньки.

Как же в этот момент Руфус ненавидел красавца-брата. Такого легкого, веселого...

Такого...

И спустя десять, и двадцать лет он будет корить себя за одну и ту же злобную и жестокую мысль: «да чтоб ты сдох, сволочь!!!»

Аттиверна, Лавери.

– Ты мое солнышко.

Лиля ворковала с сыном.

Избаловала бы она малыша безбожно, но по счастью, у нее было не так много времени. Хорошо хоть кормить самой получалось. И то – шок и удивление были обеспечены.

Знатная дама?

Сама?

Кормит ребенка?

Скандал!

А еще испортится грудь, и это так неэстетично, и вообще...

Лиле было наплевать. Тем более, главного запрета тут не было. Можно было и кормить ребенка, и заниматься любовью с мужем.²

Никто не видел в этом ничего плохого, а раз так...

Значит – так.

² официального источника автор не нашел, но такой запрет был распространен в средние века, в Европе. Пока кормишь – спи отдельно от мужа, прим. авт.

Год Лиля кормила малыша, и не сожалела об этом. Потом все естественным путем пошло на убыль, да и зубы у мелко-го прорезались. Кусался он больно и внезапно. А прикорм юного каннибала кровью Лиля организовать не планировала. Вот еще не хватало.

Переходим на каши, бутылочки, козье молочко, благо, здесь оно есть, в больших количествах.

А воспитывать малыша доверим вирманам. Лиле нравилось, как они воспитывают детей. Чистоту она и сама распорядится навести, а остальное – добавится.

Если ребенок с колыбели учится драться, вместо игрушек у него меч и щит (пусть пока крохотные, деревянные), корабрики и лошадки...

Ну и что?

Жить он будет в этом мире! Пусть отращивает зубки, и поострее, ибо планета полна хищников.

– Как тут наше солнышко?

Джес вошел потихоньку и несколько минут наблюдал за Лилиан.

Как же это красиво, когда твоя женщина играет с твоим сыном...

Он обожал Миранду, но сын – это не дочка. Это совсем другое, не более высокое или любимое, просто – иное.

Наследник.

Продолжатель рода.

Джайс Алексис Иртон. Его личное чудо, привезенное из

Уэльстера. Копия папы, кстати говоря. Лиля даже ворчит немножко, мол, ничего нет от матери.

Это она так, не всерьез. В шутку...

– Солнышко светит. Только что пыталось мне пяткой в глаз засветить, – хмыкнула Лиля.

Джес подхватил сына и подбросил к потолку. Потом поймав и опять подкинул.

Невысоко, конечно...

Ты мое маленькое чудо...

– Как ты думаешь, Мири обрадуется еще одному братику или сестренке?

– Я подумаю об этом, – согласилась Лиля. – Но хочу заметить, что благородному графу вскорости нужно во дворец...

– А мы не успеем?

– Боюсь, что не успеем, – лукаво улыбнулась Лиля. – Придется подождать до вечера.

Джес поцеловал супругу в шею и улыбнулся.

И тут же получил от сына.

– У-ди!

А чего это папа целует маму, когда тут есть – ОН?! Неподражаемый и любимый Джайс Иртон! Его и надо целовать!

Вот!

Джерисон рассмеялся от всей души – и умчался во дворец. А Лиля принялась возиться с ребенком. Плохие мысли она просто выкинула из головы.

До поздней ночи...

– Не нравится мне это. Эти убийства.

Да, мужчинам после любви хочется покушать, а женщинам – поговорить. Правда, не обязательно об убийствах, но на то и Лилиан Иртон.

Джерисон закусил ломоть ветчины и что-то промычал. Зная супруга, Лилиан позаботилась, чтобы в спальне было и что перекусить, и что выпить. А сытый и довольный граф Иртон и разговаривать будет охотно.

– Что?

– Мне тоже... ам... не нравится.

– Риана была милой девочкой. Но мало ли что она рассказывала о Миранде.

– Думаешь, нашей малышке что-то угрожает?

– Боюсь. Я просто за нее боюсь. Маньяки хоть и предпочитают определенный тип внешности, но мало ли что?

– Ганц найдет эту тварь.

– Хорошо бы...

Рассказать про опыт своего мира Лиля не могла. А то бы сказала, что и там-то маньяков далеко не всегда находили. Со всеми достижениями криминалистики, экспертами, компьютерами и прочими полезными вещами.

Даже там...

А тут? Где отпечатки-то пальцев только недавно научились снимать, и надежности в них покамест маловато?

Нет, Лиля плохо верила в торжество справедливости.

– Надо приставить к Мири охрану. Обязательно.

– Конечно, Лили. Как скажешь.

Лиля вздохнула.

Как-как... тут как ни скажи, а сердце ноет. И щемит что-то...

Возраст?

Предчувствие?

Черт его знает... она сформулировать точно не может. Она просто волнуется за Мири, Джеса, Джайса, за всех, кто ей дорог и близок...

Прекрасное чувство – любовь, но оно делает тебя таким уязвимым...

Авестер.

– Леди Сейнель.

– Ваше величество!

Означенная леди низко присела, показывая соблазнительные полушария в глубоком вырезе. Блеснула капелька сапфира на цепочке, сам камешек терялся в притягательной расщелине и так и манил – вытащи меня. Вытащи...

Двадцатилетняя леди вообще была сплошным соблазном.

Не слишком высокая, с пшеничными волосами и громадными голубыми глазами, с высокой грудью и тонкой талией... портили впечатление только кривоватые ноги, но под платьем и не видно. А так – само очарование.

Воплощенная невинность.

Энтор не сомневался – Ирида своего добьется. Устоять перед таким очарованием невозможно.

Шестая дочь безземельного лэйра, она прибыла ко двору с единственным платьем, и практически сразу же вышла замуж. Правда, муж был на пятьдесят лет старше и весил вчетверо больше, но разве это было важно?

Главное, он был богат!

И леди Ирида с радостью надела брачный браслет с сапфирами.

Ее не остановило даже, что внуки ее супруга были почти что ее ровесниками.

Муж прожил еще около трех лет, потом помер от удара, и молодая вдова обосновалась при дворе. О ее ситуации все знали...

Что ж, и такое бывает.

Вдовья доля и вдовый дом ей отошли, но и только. Остальным завладели дети ее супруга.

А что делать женщине, когда у нее нет денег, а хочется много чего?

Ирида выбрала для себя путь придворной красотки, и не пожалела.

С ней оказывались в постели, ей дарили драгоценности, она кое-что откладывала на старость, только вот – увы. Замуж выйти у нее уже не получится. Кому ж охота взять к себе в дом коврики, на которых, считай, каждая собака пере-

валялась.

Пока леди это не огорчало.

Она резвилась при дворе, щедро наделяя понравившихся ей мужчин своими ласками, и не собиралась уставать.

Энтор ее услугами не пользовался, кстати говоря.

Негоже королю стоять в длинной очереди, да еще и без гарантии, что он окажется в ней последним. И безопасность тоже – мало ли что от нее подцепишь?

Хотя – хороша! Ничего не скажешь – высший класс.

– Леди Ирида, у меня для вас есть поручение.

– Ваше величество, я вся – внимание.

И пальчиком по шейке, невзначай так...

Энтор не обратил на это внимания. И перешел к делу – чего тянуть?

– Леди, вы хотите быть независимой? Рядом с вашим вдовьим домиком есть симпатичное поместье. Оно принадлежит короне... я говорю о поместье Аклен.

Леди подобралась и внимательно поглядела на короля.

– Ваше величество, что я должна сделать?

Она действительно была неглупа.

Видела, что король не реагирует на ее прелести, поняла, что ее позвали не ради примитивного секса, и решила обсудить дело.

Итак?

– Вы должны отправиться в Ативерну.

– Ативерну, ваше...?

– Молчите и слушайте, – оборвал Энтор.

Леди поклонилась, показывая, что этим она и будет заниматься.

– Вы поедете в составе нашего посольства. Туда же поедет и барон Лофрейн. Его цель – графиня Иртон, ваша цель – граф Иртон.

– Что я должна сделать, ваше величество?

– Как минимум – затащить его в постель. Лучше, сделать так, чтобы он забыл обо всем, бросил ради вас семью, хотя бы ненадолго, увлекся, начал тратить время и деньги...

Леди поклонилась еще раз.

Это она могла, это было несложно.

– В идеале – стать его постоянной любовницей на несколько лет, остальное узнаете потом.

– Иртоны... торговый дом Мариэль, ваше величество?

– Да.

Глаза в дамы заблестели.

Да, такое предложение на дороге не валяется.

Кружево, стекло, драгоценности... ПОДАРКИ!!!

Неужели граф постесняется одарить свою любовницу?

Графиня в расчет даже не принималась, она же старая, ей вроде как двадцать пять уже есть, и страшная, и толстая, и... и вообще!

Где ей сравниться с Иридой! Смешно!

– За свои труды вы получите поместье – по возвращении.

– Ваше величество, вы так щедры...

– Если вы чего-то не поймете, обращайтесь к барону Лофрейну. Он в курсе всех дел, – закончил инструктаж Энтор. – И слушайте его беспрекословно.

– Я повинуюсь, ваше величество.

Король отпустил леди и задумался.

Вроде все так?

Да.

Если хочешь построить мост, строй его с двух сторон, так надежнее. Своя ловушка для графини, своя – для графа. И посмотрим, кто из них менее устойчив.

Энтор очень хотел насолить Ативерне. А если хочешь, то способ – найдется.

Ативерна.

Анжелина коснулась рукой живота.

И тут же получила пинок в ответ. Их сын. Их ребенок.

Бран последовал ее примеру.

Вирманин не знал, что ему надо спать отдельно от беременной жены, не было на Вирме такого обычая. А Анжелина не собиралась на нем настаивать. Ее все устраивало.

Есть кому обнять, есть кому погладить животик... мальчик там, или девочка, но папин голос и папины руки ребенка успокаивали почти мгновенно. А это важно.

Дети – счастье?

Безусловно. Но когда тебя в три часа ночи принимаются лупить по печени, не всякая любовь выдержит такой накал

страстей. Вот и сейчас...

Анжелина привычно прижалась к мужу.

– Как ты себя чувствуешь? – Бран волновался. Что уж там, роды со дня на день, начнутся в любой момент, а это его жена.

И его ребенок.

Бран уже не раз слышал, что его проблемы, скорее всего, не наследственные, а просто – не повезло при родах, такое бывает с неумелыми повитухами, но вирманина это не утешало.

Даже если с его ребенком все нормально, кто сказал, что попадутся умелые докторусы?

Хотя ему гарантировали присутствие лично Тахира дин Дашшара и графини Иртон на родах. Не просто присутствие – они и принимать будут. И ничего плохого не допустят.

А все равно страшно.

За себя Бран не боялся никогда, даже стоя перед ликом Холоша. Даже выйдя один против двух десятков воинов. Даже попав в шторм на лодочке, которую и ветерок-то перевернуть мог.

Не боялся, потому что не ценил свою жизнь. Что она такое – миг?

Оборвется ниточка и он уйдет к Холошу. А вот его родные и близкие – дело другое.

Его жена, его дети... его сердце бьется, пока с ними все в порядке. Потеряет он кого-то – и кусок сердца умрет. А

разве может человек жить, если его сердце умерло?

Нет, не может.

Это намного страшнее и больнее любых пыток, которые только может придумать человек. Это жутко. И потому Бран боялся.

И за Анжелину, которую любил безмерно, и за ребенка.

Для себя он давно решил, что спасти надо будет жену. Случись что – ребенка он пока в глаза не видел, а без Анжелины ему просто незачем жить.

Анжелина была другого мнения, но о страхах мужа знала и старалась их успокоить, как могла. Она-то Лилиан Иртон знала и верила ей больше, чем самой себе. В лекарственных делах так точно. Видела она, как Лилиан и ее отца вытаскивала с того света, и Джерисона, да и Марию около года назад буквально выходила, когда у принцессы началась горячка.

Ругалась – страшно, но вытаскивала. Ночами не спала, сидела рядом, с ложечки поила, от самой Лилиан половина осталась. Справилась.

И с ней Лиля тоже не даст случиться ничему плохому. Но как объяснить это мужу?

Поэтому Анжелина просто притянула ладонь Брана себе на живот.

– Все хорошо. Он даже потише сегодня.

– Это не опасно?

– Нет. Лиля сказала, незадолго до родов они всегда затихают, собираются с силами. А потом ка-ак полезут!

Бран кивнул, погладил выпуклый животик.

– Хочешь водички?

– Нет, – покапризничала принцесса. – И вообще, спина ноет, и ногу свело...

– Давай помассирую.

– Сейчас я. Минуту...

Анжелине требовалось уединение. Беременным женщинам оно вообще нужно в три раза чаще, чем обычно. Она встала с кровати, сделала шаг, другой – и...

– Ой...

Словно внутри лопнуло нечто... как пленочка какая-то. И Анжелина почувствовала, как по ногам побежали капельки воды. Одна, вторая... вот и струйка...

– Что случилось? – вскинулся с кровати Бран.

– Воды отошли, – поняла Анжелина. – Дорогой, пошли слуг к Иртонам, пожалуйста?

Отдать должное Брану, он даже штаны надел. И рубашку накинул. А потом уже ринулся из комнаты. Босиком.

Анжелина хихикнула, проводив мужа взглядом.

Босиком-то босиком, но кинжал не забыл. С оружием ее муж просто сросся. Так что попытка отобрать у него подушку могла закончиться серьезным порезом – под ней всегда пара ножей лежала. И даже волосы в хвост завязывал не обычной лентой, а специальным шелковым шнурком, кото-

рый мог послужить при случае отличной удавкой. Жрец Холлоша, этим все сказано. Эти с оружием и в гробу не расстанутся – вдруг к ним кто-то полезет могилу грабить? Такой случай будет принести жертву богу.

Оххх!

Легонький спазм внутри подсказал Анжелине, что смех-смехом, а роды никто не отменит.

И для начала не худо бы выйти из лужи, которая уже налилась на полу, поменять ночную рубашку на специально приготовленную, чистую и выглаженную, да, и постель приказать поменять тоже. И двигаться!

Чем ее высочество и занялась. Заодно и отвлечется, чтобы не паниковать, первые роды все-таки, нервы поневоле вибрируют, как натянутые канаты.

Лилиан Иртон прибыла через час.

Бран уже успел протереть дырку в ковре, шагая взад и вперед, и появление Лилиан встретил если не с радостью, то уж точно с облегчением. Вокруг Анжелины уже суетилась повитуха, которая осталась жить в замке до родов, помогали служанки, но с Лилиан ему точно было спокойнее.

Джерисон посмотрел на эту картину, и отправился наливать, справедливо полагая, что каждому – свое.

Лиля будет принимать ребенка, а он постарается сохранить малышу отца.

Живым, здоровым и в полном рассудке. А то ведь умом тронется, бедолага.

Как рожала Лилиан, и как себя вел сам Джерисон, граф предпочитал не вспоминать. Он точно был спокойнее. И уверенней в себе. И вел себя лучше... наверное. Потому что Ричард, на правах друга, так напоил благородного графа, что тот день Джерисон просто не помнил.

Когда на пороге появился Ричард, мужчины уже успели уговорить вторую бутылку крепленного вина и выглядели получше. Да и крики роженицы в библиотеке были не так слышны.

Хотя Бран все равно бледнел и дергался каждый раз.

Ричард посмотрел на представшую перед ним картину – Бран в штанах и рубахе на голое тело, ноги босые, глаза тревожные...

Джес – кое-как одетый, торопились же, растрепанный, небритый, Эрик, Лейф, две собаки – для полноты картины не хватало еще Тримейна.

И махнул рукой.

– Еще вино есть? Не все выпили?

К утру число осушенных бутылок увеличилось до пятнадцати штук. Причем пять из них залили кое-как в Брана. Помогло, хоть и не до конца.

Отключиться у вирманина не получилось, но на каком он

свете, Бран уже не слишком понимал. Перестарались.

Когда дверь в библиотеку распахнулась, и на пороге встало золотоволосое видение, половина из присутствующих приняла сначала графиню Иртон за алкогольную галлюцинацию. Потом уж сообразили...

– М-да... – протянуло «видение». И направилось к Брану, небрежно отшвыривая с дороги пустые бутылки и кубки. – Поздравляю, папаша. У вас еще один сын.

«Вино было паленое».

Это была единственная мысль Джерисона, когда он увидел, с какой скоростью протрезвел Гардрен.

– Анжелина?

– Все в порядке. Я же сказала, мальчик, здоровый, крепкий, хоть в полк записывай. И с супругой все отлично.

– А...

– К ним – можно. Но сейчас и ненадолго, пока она кормит малыша.

Брана словно ветром сдуло. Даже не пошатнулся. А вот Джесу такая ловкость не грозила. Лиля посмотрела и покачала головой.

– М-да. Закусывать надо!

– Ка-ак сак-кажешь, дор-рогая.

Лиля сказала бы. Но – ладно уж! Пускай живут. Повод-то достойный!

Человек родился!

– Какой он страшный!

Джолиэтт смотрела с плохо скрытым отвращением. Лиля хмыкнула.

Понятное дело, дети не рождаются красивыми. Если кто-то думает, что через пять минут после родов ему покажут эдакого купидончика – пухлого и с золотыми кудряшками, лучше бедолаге сразу передумать.

Дети рождаются страшными, красными, сморщенными и очень громко орущими. И их можно понять, если вспомнить, откуда они вылезают. Тут любой заорет.

Но комментировать наивность молодой женщины Лилиан не стала. Вместо этого улыбнулась.

– Все малыши такие. Потом будет намного лучше... вы-то не собираетесь?

– Нет, – сморщила носик Джолиэтт. – Теперь – точно не соберусь.

Ивар Эдоард Гардрен разинул ротик и издал какое-то маловразумительное хрюканье. Лиля ловко подхватила кулек и передала Анжелине.

– Кормите, мамочка.

Анжелина послушно распустила завязки сорочки. Чмоканье было таким, словно вакуумный насос работал. Правда, никто кроме Лили этого сравнения не знал.

Да и сама Лиля...

Так, вырвалось мимоходом. А она наблюдала за Джолиэтт.

У девушки на лице явно читалось отвращение. Хотя... понять ее можно.

Когда пару лет назад с Вирмы вернулась Анжелина... ох! Только благодаря его величеству все прошло мирно. Но аристократия все равно взбесилась. Они-то уже рассчитывали на браки, прикидывали, кому и что достанется, облизывались – и такой афронт!

Бран Гардрен оказался весьма и весьма зубастым хищником. Лично Лиля еще в том, оставленном ей мире, знала одного такого типа. За плечами у него было около сорока лет работы в КГБ. Менялись времена, меняла названия и организация, а люди оставались.

Умные, жестокие, с характерным взглядом.

Тяжелым таким, пронизывающим, словно разлагающим тебя на молекулы и не торопящимся собирать обратно. Связываться с таким?

Лилия не просто не хотела, да боже упаси! Наоборот, лично она предпочла протянуть руку дружбы. И мужа подтолкнуть к тому же. Съездить в гости, пригласить на охоту, вместе отправиться на верфи, посмотреть на корабли, поболтать с Августом...

Бран оценил жест, и семейство Гардрен стало поддерживать теплые отношения с семейством Иртон.

А аристократы, которые пробовали показать зубы?

Лилия подозревала, но не знала точно. И никто, наверное, не узнает. Но после двух несчастных случаев, остальные при-

тихли. Что-то у Брана было на многих, графиня и не сомневалась.

Компромат, он всегда действует, хоть там третий век до рождения Христова, хоть двадцать первый после означенной даты.

Анжелина-то была счастлива. Но кость кинуть псам все равно пришлось.

Джолиэтт.

Вторая принцесса тоже должна была выйти замуж, она и вышла, за герцога Леруа. Увы, любви в браке не возникло.

Герцог был малым не на тридцать лет старше невесты. Даже его младший сын был старше Джолиэтт. Но – политика.

Будь Эдоард в силе, он бы окоротил дворян, будь Ричард в силе, он бы справился не хуже отца, но такой уж выдался неудачный момент.

Один еще не сложил власть, второй еще ее не принял и не укрепился, проще не раскачивать весы. Да и опять же, что такого страшного делают с девушкой?

Замуж выдают?

Это всем грозит, особенно принцессам. Рано или поздно, для блага страны. Судьба у них такая.

Без любви?

Увы. Принцесса, которая выходит замуж по любви, это редкое исключение. Впору чучело набить и в музей поставить. Лиля искренне подозревала, что если бы не бунт, не общая обстановка, не союз с Вирмой – овдовела бы Анже-

лина в пару месяцев и была бы опять пристроена в добрые руки.

А может, и нет.

После возвращения с Вирмы Ричард был настолько потрясанным...

Однажды они с Джерисоном напились до свинского состояния. А Лиля, в чем она никогда не признается мужу, подслушала их разговор. И посочувствовала.

Бедный Рик.

Бедная Тира.

Что лучше – никогда не любить, или любить и потерять? Над этим вопросом уже не первую сотню лет бьются писатели и поэты, над ним размышляют менестрели и драматурги, а людям все равно больно. Хоть в первом, хоть во втором случае.

Может, это и заставило Ричарда отстаивать сестру и ее брак. Когтями, клыками... у меня не сбылось?

Пусть хоть у нее сбудется!

Пусть хоть она будет счастлива!

Джолиэтт же...

Лиля знала, что сердечко второй принцессы свободно. А если так – почему нет? Она принцесса, к ней всегда будут относиться уважительно, ее будут ценить, холить и лелеять.

Что еще надо?

Любовь?

Обычно в договорных браках ее ищут на стороне. Да и

нет пока любви, вот придет, тогда и будем разбираться. Лиля понимала, что это жестоко, что это двойные стандарты, но сделать-то она ничего не могла!

Кто бы стал ее слушать?

А если на то пошло, то и ее не сильно-то спрашивали. Вот тебе муж, иди и мирись. Нравится, не нравится, сложится, подавится... Сложилось. И никто не подавился, но это ведь благодаря самой Лилиан, а не абстрактному доброму дяде с волшебной палочкой!

Джолиэтт хотя бы какой-то выбор дали, и супруга она выбирала сама, из нескольких представленных ей мужчин. На что надеялась, на что рассчитывала – неизвестно, но то ли у нее сил не хватило, то ли у него – мудрости.

А сейчас девочка несчастна, это видно. Супруга она не любит, детей от него не хочет. Что будет дальше?

Да кто ж теперь знает! Точно не Лилиан Иртон.

– Анжи, – Бран вошел в комнату.. И Лиля еще раз убедилась, что все правильно, все у этих двоих хорошо. Таким светом сияли голубые глаза вирманина, когда он глядел на жену.

И когда она, покормив ребенка, отложила его в сторону.

И когда улыбнулась пасынку и падчерице – дети Брана жили с ними и Анжи искренне постаралась стать им если и не матерью, то хотя бы другом. С мальчиком так и получилось, Иан сначала настороженно относился к мачехе, но потом принял ее, как старшую сестру. А малышка Хильда дру-

гой матери и не знала никогда, и не узнает. Она и называла Анжелину мамой, так к ней и относилась.

И когда все трое дарили Анжелине шикарный набор украшений – голубые топазы в золоте, кстати, заказанные у мастера Хельке Лейтца, и когда надевали их на Анжелину...

Любовь окутывала их сплошным облаком. Лиля не завидовала, у нее было примерно так же, Джес любил ее – как мог и как умел, она тоже любила мужа и не желала иного.

А вот Джолиэтт...

Лиля положила себе поговорить об этом с Джесом. А лучше...

Действительно, так будет намного лучше.

Случай побеседовать с Браном Гардреном представился ей только через несколько дней.

Бран заехал в Тараль, заказать крестильную рубашку для ребенка. Кружевную, конечно.

Лиля приняла его лично, обсудила заказ, предложила еще пару новинок – и постепенно разговор переместился в кабинет.

Там-то, под чай с медом, Лиле и представилась возможность заговорить о том, что ее тревожило.

– Мне кажется, Джолиэтт завидует сестре.

Бран прищурился.

– Я мало общался с герцогиней. Она не считает меня ров-

ней и старается уйти до моего прихода.

Лиля кивнула.

– Я не стала ни с кем об этом говорить, только с вами. Но зависть – это чудовище, способное сожрать любого.

Бран медленно кивнул.

– Я пригляжу за ней. Обещаю.

– Мало ли, что нашепчут Анжелине. На что подтолкнут, – объяснила Лиля. – Как докторус, я могу сказать, что женщины после родов мыслят... своеобразно.

Бран хмыкнул.

– Я понимаю, что вы имеете в виду.

Сложно было бы не понять.

– Я почему-то забеспокоилась. Я не знаю, почему, – развела руками Лиля. – Надеюсь, я неправа, но...

– Я пригляжу за этим. И благодарен за предупреждение. Я выпустил этот аспект из вида, – Бран отпил еще глоток чая.

Лиля предлагала травяной сбор многим, но только Брану он понравился. И вирманин с удовольствием смаковал душистый напиток. Даже Джес предпочитал ягодный взвар, а вот чай...

Мужчина и женщина переглянулись. Они поняли друг друга.

Может быть, это женская интуиция. Может быть, паранойя. Но если у вас паранойя, это не значит, что за вами никто не следит. Лучше уж поволноваться сейчас, чем страдать потом.

Лиля поговорила и выкинула этот вопрос из головы.

А Бран?

Гардрен никогда и ничего не забывал. Жрецы Холоша вообще не склонны к излишней забывчивости. Такой уж у них бог.

Такая вера. Такое служение.

Глава 2.

Гость в дом

Море

Леди Ирида Сейнель была довольна и счастлива. И у нее были поводы для довольства.

Первый – она понадобилась его величеству. Да, поручение... своеобразное, но зато – воля короля! Если она все сделает правильно, она получит королевское благоволение, а это немало, это очень немало. Это богатство, удачное замужество, возможно, поместье или крупная сумма денег.

Второе – она уезжает от двора. Все же она была чуточку неосторожна в выборе мужчин, и слава о ней пошла по Авестеру.

Слово там, сплетня тут, намек здесь, а репутации-то и нет, одни лохмотья остались.

Спору нет, женщина может позволить себе многое, если она вдова и свободна, но...

Но!

Есть то, что она позволить себе не может.

Она не должна быть шлюхой.

Куртизанкой, подругой, любовницей – безусловно, распутницей – при некоторых обстоятельствах, но не шлюхой. А леди Ирида чуть перегнула палку. Ей требовалось время,

чтобы все и всё забыли, но как лучше обустроить перерыв?
Уехать в глушь?

Туда, где нет ни развлечений, ни мужчин, ни, увы, денег
на достойное существование?

Ирида пока не придумала, как лучше поступить, в планах
было найти себе любовника и уехать с ним на несколько ме-
сяцев, а тут – вот! Ей предлагают уехать, но к другому двору,
где ее никто не знает, где...

Где придется выполнять приказ его величества Энтора.

Но ведь никто ей не мешает о себе, любимой, позаботить-
ся?

Его величество уже о ней позаботился, у нее есть но-
вый гардероб и некоторая сумма денег, а драгоценности...
неужели никто не подарит симпатичной девушке ни одной
побрякушки?

Так не бывает!

В свои чары Ирида верила свято.

Вот, кстати, повод их опробовать. На палубу корабля вы-
шел барон Лофрейн, и внимание Ириды переключилось на
него. Они еще не приехали в Ативерну, так что...

Почему нет?

Барон молод, красив, главное – не женат... ах да, еще он
богат, имеет неплохие земли, состояние... ладно, не то, что-
бы ровень с графами и герцогами, но на молодую жену ему
хватит. С избытком. Почему бы и не заняться?

И в постели такой мужчина будет способен на большее,

чем просто кряхтеть.

Ирида в этом и не сомневалась.

А раз так...

Она поправила вырез платья и шагнула вперед. Плавание обещало быть интересным...

– Достопочтенный Лофрейн? – и реверанс, чтобы показать грудь.

– Леди Сейнель, – ответный поклон и взгляд в нужном направлении.

– Нас, увы, не представили...

Игра началась.

Аттиверна

Его величество Эдоард умирал.

Лиля могла сразу сказать, сколько ему осталось.

День, может, два...

Это было видно каждому хорошему лекарю. Такая своеобразная печать смерти, которая легла на лицо человека.

Мужчина уже не вставал. Едва говорил. И проводил большую часть дня в полузабытье.

Двор притих.

Король умер, да здравствует король – это вслух. Слезы по одному, восторги для другого, а как на самом деле? А на самом деле смена короля, это всегда потрясения. Новая метла, знаете ли. Смена части сановников, чистка рядов, назначение новых людей – все это предстоит пережить. Ричарда еще

более-менее знали и могли спрогнозировать его поступки. Но и то...

Мало ли что?

Джес и Лилиан практически переселились во дворец.

Август и Алисия тоже. Да и Анжелина с Джолиэнт не отходили от отца, и Ричард сидел рядом с ним чуть ли не сутками.

Но – сколько веревочке не виться.

Лиля понимала, если бы не она, для Эдоарда могло бы все закончиться еще пять лет назад. Тогда, во время мятежа, когда он приговорил родную дочь и внуков. Она смогла отбить его у смерти, но дама с косой далеко и надолго не уходит. А сейчас – сейчас Эдоарда не спасли бы и лечебницы двадцать первого века.

От смерти не лечат.

Увы...

Эдоард то уходил куда-то далеко, в свои сны, то возвращался. А во сне иногда разговаривал.

Звал Джайса, звал Джесси...

Разговаривал с Эдмоном, с Имоджин, пытался что-то объяснить им... только Амалию не вспоминал никогда. Отрезал себя от этого.

Словно и не было у него никогда дочери.

Словно и не выносил он приговор.

Наверное, так ему было легче. Так он мог продолжать жить.

Вот и сейчас Лиля дежурила у королевской постели. Именно Лиля, чужим такого было не доверять. Если бы король не бредил, можно было бы просить людей, но его величество мог сказать слишком много лишнего. Абы кому такое услышать не доверишь. Слишком уж много грязи у трона, боли, чужих секретов, страстей, сомнений...

– Джес... сынок...

Лиля держала королевскую руку в своих ладонях.

Сколько лет она уже в этом мире? Сколько нитей связало ее с Ативерной? Были и хорошие, и плохие дни, но его величество – хороший человек. Хотя и король в первую очередь. Но и король он хороший.

– Лилиан?

Король пришел в себя и смотрел серьезными глазами.

– Ваше величество.

– Давно вы здесь?

– Давно, – кивнула Лиля.

Эдоард улыбнулся.

– Ты хорошая девочка, Лилиан. Не бросай его, ладно?

Лиля медленно склонила голову.

– Пока я жива, буду рядом.

– Благодарю тебя. За сына благодарю.

Все они знали, и все понимали. И ничего не могли сказать.

Не те тайны, которые надо произносить вслух, ох, не те...

– Моему сыну повезло. Как мне.

Эдоард опять закрыл глаза. А Лиля вздохнула.

Это даже не признание. Это – принятие. Для Эдоарда она стала такой же дочерью, как Джес – его сыном. Это дорогого стоит.

Она погладила высохшую ладонь, обтянутую желтой, словно пергаментной кожей.

– Я его не брошу. Я их всех не брошу. Пока жива – буду рядом, буду беречь свою семью и защищать ее. Клянусь...

Эдоард уже не слышал. Он опять ушел туда, где был молод, где танцевал на балу с Джесси Иртон, и синие глаза искрились совсем рядом, и счастье было так близко и возможно, и не было еще ни боли, ни грязи...

А Лиля сидела, смотрела на огонь свечей и о чем-то плакала, сама не замечая слез, катившихся по щекам.

О чем?

Кто знает...

Уже позднее. Спустя несколько часов, она пригляделась к Эдоарду и встала. Да, уже скоро. Надо сказать Ричарду. И остальным... пусть хоть попрощаются.

Его величество ушел на рассвете.

Открыл глаза, посмотрел на рассвет и улыбнулся. Тепло и счастливо.

По первому солнечному лучу, как по дороге, шагали к нему те, кого уже давно не было рядом. Как и в те времена, веселые, молодые, еще не принявшие на свои плечи весь

груз забот и лет.

Его Джессимин – легкая, веселая, шестнадцатилетняя, как при первой их встрече, на балу. И Джайс – нахальный, храбрый и готовый всей своей жизнью защищать сестренку.

Сильно заколотилось сердце. Эдоарду безумно захотелось дотронуться, подойти к ним, хотя бы позвать... и он потянулся, даже попробовал встать. Протянул вперед руку...

– Джесс! Джайс!

Друг и любимая женщина тоже переглянулись. И одновременно протянули к нему руки.

– Эд, идем к нам! Сколько можно тебя ждать...

Где-то там, на солнечном луче, на шею молодому королю бросилась счастливая синеглазая женщина. И хлопнул по плечу верный друг, оставшийся таким и за чертой смерти.

А в реальности Эдоард откинулся назад.

Лицо серело, из него уходило нечто неуловимое, Лиля коснулась руки и вздохнула.

– Его величество умер.

Анжелина разрыдалась, бросаясь на шею мужу. Джолиэтт отступила подальше, в тень, но Лиля видела слезы на ее лице. Принцесса любила отца, а вот мужа не любила. Его здесь и не было.

Ричард замер у постели отца скульптурой олицетворенного горя.

Мария коснулась его плеча и застыла так. Джес покачал головой, взял ее за руку и без лишних церемоний заставил

стиснуть ладонь мужа.

– Держи его крепче. Пусть не будет один. Не оставляй его сегодня.

Фамильярность прошла незамеченной, даже наоборот, Мария посмотрела с благодарностью.

Лиля подошла к мужу и крепко обняла. Джес не считал Эдоарда своим отцом, но все равно любил. И терять близкого человека ему было больно и горько.

Несколько минут все молчали, свыкаясь с мыслью, что Эдоарда больше нет.

А потом Ричард поднялся и расправил плечи, словно привыкая к тяжести короны. Поднял голову, вздохнул.

– Дамы и господа, прошу вас оставить меня с отцом. Я скоро приду. Джес, распорядись там... ты знаешь.

Джерисон кивнул.

Все вышли. Ричард остался один. Мария хотела задержаться, но его величество... да, теперь уже его величество, покачал головой.

– Не надо, Мари. Оставь меня – ненадолго.

– Я подожду... – Мария бросила взгляд на Джеса и получила в ответ одобрительную улыбку. И задержалась под дверью.

А что?

И королеве не зазорно спросить совета, Джес-то Ричарда знает дольше, чем она на свете живет! И любит его величество, ценит, желает ему только добра. Дурного не подскажет.

Джерисон отправился распоряжаться.

Смерть короля это не только трагедия. Это еще похороны, коронация... да уйму всего надо сделать. И если Ричарду требуется пара минут, чтобы прийти в себя, надо ему их дать. Ему сейчас придется очень нелегко. Как и самому Джерисону.

Вечером Лиля долго ждала мужа.

Он пришел усталый, с запавшими глазами, и вином от него крепко припахивало. Но ругаться графиня Иртон не стала, хотя обычно не поощряла подобного поведения.

Молча помогла Джерисону раздеться, молча прижалась к нему под одеялом и крепко держала за руку.

Любовь?

Да о чем вы!

Не до того ему сейчас было, никак не до того. Просто в какие-то моменты жизни человек не должен оставаться один. Никак не должен.

Сейчас Джерисону будет очень сложно, и задача Лилиан – поддержать его. Успокоить, утешить, точно так же, как ее отец сейчас успокаивает «старую гадюку» Алисию, как Мария вьется вокруг Ричарда...

Умная девочка.

Лиля тоже кое-что ей посоветовала. А Мария, после Уэльстера, готова была и доверять и принимать советы графини

Иртон. Тем более, Лиля действовала только в ее интересах.

Тиру Ричард никогда не забудет. Это невозможно. Он од-нолюб, равно как и его отец.

Но Мария может занять свое место.

Жены, подруги, советницы, поддержки... это ей – дано. Если поведет себя правильно, Ричард оплатит ей благодар-ностью и признательностью. Плохая замена любви?

Могло и того не быть.

Плясал огонь в камине, дремала на ковре собака, а Лиля смотрела в окно.

Лежала, сжимала руку мужа и думала, что им многое предстоит пережить. Но главное ведь – они будут вместе. Правда же?

Она не оставит Джеса, она обещала. И Мири, и детей, и... Все будет хорошо.

Пока они вместе – они с чем угодно справятся.

Называйте это глупостью.

Называйте как хотите. Но ночью Лиля долго не спала, а когда уснула, увидела его величество Эдоарда. Он шел по ко-ролевскому парку под руку с симпатичной молодой девуш-кой, темноволосой и синеглазой, а следом за ними торопил-ся молодой человек с лицом веселым и нахальным, придержи-вая у бедра шпагу. И выглядели все трое бессовестно до-вольными и счастливыми.

– Ваше величество, – окликнула Лилиан.

Эдоард заметил ее и остановился.

– Лили?

– Да.

Лиля привычно присела в реверансе.

– Я рада вас видеть, ваше величество.

– Я же... Ах, да! Лили, милая, скажите мальчишкам – я буду за ними приглядывать. Обязательно.

Лиля кивнула.

И – не удержалась.

– Выходит – ТАМ все-таки что-то есть?

Улыбка у Эдоарда была совершенно не королевская. Нахальная, веселая, даже чуть-чуть озорная, словно не король, а соседский мальчишка, который только-только подсунул понравившейся девочке ужика в платье. Или лягушку в тапочку.

– Вам ли об этом не знать, Лилиан?

И удалился.

Молодой человек подмигнул ей, произнес нечто вроде: «Повезло сыну» – и тоже ушел, а Лиля осталась стоять посреди парка, дура дурой. И постепенно парк сменился лесом, лес – полем, потом набором цветных картинок, ну а проснувшись утром...

Разве что-то было?

Ничего и не было.

И говорить тут не о чем. Точка.

Танец!

Смертельный, кровавый танец!

Человек ведет его, словно в бальном зале.

Вот брызнула кровь, вот на белом плече расцвел алый цветок...

Крики, мольбы...

Его это давно не трогало.

Он пытался согреться, всего лишь согреться. Пытался найти нечто для себя, задержаться на краю бездны, в которую катился...

Бесполезно.

Капелька крови попала на губы.

Человек слизнул ее – и продолжил танец.

Удар.

Порез.

Опять удар.

Что за тоска, если добыча падает на колени, умоляет о пощаде, просит не убивать. Что за скука!

Как эта тварь может так ломать ему радость охоты?

Сопrotивляйся, гадина!

Человек сильно бьет женщину, но та уже не может бежать, забивается в угол, скулит, хнычет...

И тоска накатывает лавиной, затуманивает яркие глаза белесой мутью...

Удар!

Тело остается лежать в углу. Человек пинает его кончиком сапога, отрезает мизинец и прядь волос на память, собирает памятные сувенирчики...

– Стерва.

Все чаще он думает о той, единственной, чья кровь может его насытить.

Все чаще...

Как она бы сладко скулила под кинжалом...

Но они умирают. Они все умирают... а если вместе с ней он убьет и себя?

Человек пока еще не решил эту задачу, но время идет и его терпение на исходе.

Авестер

Его величество Энтор прочитал письмо и улыбнулся.

Медленно.

Жестоко.

Умер.

Эдоард наконец-то умер.

Туда ему и дорога.

Его величество жутко раздражал король Ативерны. Разве это справедливо?

Все ушли. Ушел его отец, ушла тетя Имоджин, ушел Эдмон... Эдоард все коптил и коптил небо, словно надеясь пережить всех, кто был рядом. А теперь его нет. И что же вы

чувствуете, ваше величество?

Энтор прислушался к себе.

Удовольствие?

Да, безусловно. Враг умер, пусть даже не зная о том, что он враг.

Разочарование?

Да, безусловно. Враг умер, не зная о том, что он враг.

А что еще?

Удовлетворение, предвкушение, интерес?

Определенно.

Партия начинается. Она только начинается, но если Альдонай будет милостив, еще дети Эдоарда увидят крах всех дел своего отца. И это будет триумф.

Что такое – смерть?

Да ничего! Меньше, чем ничего... человек умер – и все, он не страдает, не мучается, ничего не испытывает, его попросту нет. Его уже ничем не заденешь.

Нет, уничтожить человека можно лишь одним способом – убить его дела на земле. Убить то, во что он вложил свою душу. Вот когда о нем не останется памяти, или останется только плохая память, тогда – да. Тогда можно сказать, что месть свершилась.

Энтор сейчас делал свои первые шаги по направлению к мщению. И довольно улыбался, предчувствуя длинную партию и – победу. Обязательно победу, другого варианта у него нет.

Только победа.

Ативерна еще ляжет у его ног. Его величество даже не сомневался в этом...

Энтор сидел, улыбался и строил планы. И хорошо, что в тронном зале никого не было, кроме любопытного солнечного зайчика. Но даже легкий весенний лучик, пробежав по скорченному судорогой ненависти лицу короля, пожегся, замерз – и опрометью бросился обратно на солнышко, греться.

Страшные все же существа – люди.

Ативерна

Ганц Тримейн пнул носком сапога стену и выругался так, что повяли цветы в кадках.

Стена отплатила за себя взрывом боли в носке.

Сволочи, твари, суки...

Нет, ну какие ж сволочи!!!

КТО!?

Знать бы...

Но это уже не первое тело. И даже не десятое.

Девушка лежала в переулке. Скорчившись, словно младенец в утробе матери, подтянув колени к груди, закрывая разрез на платье и страшную рану на животе. Симпатичная, светловолосая, лет семнадцати на вид, совсем еще ребенок, жить бы ей да жить...

Ганц бесился оттого, что никак не мог выяснить – КТО!?

Не было ничего. Ни свидетелей, ни улики... тела привозили, выбрасывали из кареты... он даже про карету узнал.

Черная, с досками на обеих сторонах. Герб не виден, даже если он есть. Альдонай, ну дай ты мне их найти, а?!?! А я уж и в храме отстою, и пожертвую как следует, но найти...

Ганц представил, как будет говорить сегодня с родителями очередной несчастной – и сердце защемило. Не мальчик уже, и всякое повидал, но жалко девчонок. Жалко...

А если с его бы дочерью такое?

Не просто убил бы.

Кулаки мужчины рефлексивно сжались. Нет, не убил бы.

Этот подонок, попади он Ганцу в руки, о смерти молил бы, как о милости. Долго молил бы, и не получил ее...

Ладно.

Не время для бешенства. Не время.

Ганц заставил себя успокоиться и принялся осматривать тело.

Как лежит, в чем одето... это просто тело, и все. Что в руках, в чем испачканы пальцы, что надето, что в карманах...

Рано или поздно любой подонок совершает ошибку. И Ганц до него доберется.

Обязательно доберется.

Дружат там короли и страны, не дружат – вопрос риторический. А посольство быть должно.

Обязано даже.

Где же еще можно узнать новости, куда послать шпионов, откуда навредить противнику? Только из посольства. А еще в чужие страны можно сослать тех, кого не желаешь видеть при дворе. И понадеяться, что посол допустит ошибку и даст тебе возможность его казнить. Как вариант.

Этакий «змеиный островок». Но – дипломатия требует, и посольства есть во всех странах. И Ативерна держит посольство в Авестере. И наоборот – тоже.

Послом Авестера в Ативерне был граф Горацио Альден.

Достаточно симпатичный высокий блондин, лет сорока, чуточку подлысоватый и немного смущающийся по этому поводу. Горацио старался не зачесывать волосы назад, а как-то припускать их вперед, носил парики, пользовался самыми разными средствами – волосы все равно лезли. Печально, но факт.

Ничего не помогало.

В связи с этим, на Энтони Горацио смотрел не слишком одобрительно. Приехали тут, понимаешь...

Но с письмом от его величества не сильно-то и поспоришь.

– Барон...

– Граф, – в тон ему отозвался Энтони.

Мужчины со стороны напоминали двух котов, столкнувшихся на одной помойке. Вроде бы и поделить надо, и драться нельзя, а то хозяин помойки выйдет, обоих выкинет, и

уступать неохота...

Оставался упрощенный вариант – как и у котов, пообщаться.

Коты в этом случае смотрят друг другу в глаза и достаточно противно орут. Конечно, орать барон и граф не собирались, но в глаза друг другу смотрели очень пристально.

– Его величество приказал передать вам это письмо – первым начал партию Энтони.

– Любые указания его величества – закон для его подданных, – парировал Горацио.

Да, воля короля – закон, но кто сказал, что ты от этого становишься умнее?

– На меня возложена достаточно сложная миссия, успех которой во многом зависит и от вас также.

Равно как и неудача. Не будешь помогать – Энтор обо всем узнает и не простит.

– У вас одна миссия. А я представляю в Ативерне весь Авестер, – не уступил граф.

Твоя миссия – ты и справляйся. А у меня и без тебя хлопот хватает.

– Хм, – издевательская интонация прослеживалась очень четко. – К сожалению, за последние десять лет отношения между нашими странами не улучшились.

Какие у тебя тут хлопоты? Только место занимаешь да казенное жалование проедаешь!

Горацио прищурил глаза.

– Сложно улучшить то, чего попросту нет. Но можно хотя бы доносить до своего монарха правдивую информацию. Поверьте, барон, даже собирать ее – тяжкий труд.

Это тебе не по попойкам и по борделям бегать.

Тони поморщился.

– Частично, эта информация и стала причиной моего визита сюда.

– Частично?

– Что вы знаете о графах Иртон, ваше сиятельство?

Горацио вздохнул, нервным движением поправил кружевной (выделки торгового дома Мариэль) манжет и посмотрел в окно.

– Сложно сказать однозначно, барон.

– Однозначно?

– Я бы разделил историю семьи Иртонов на два этапа. Или на три...

– Да? – искренне заинтересовался Тони.

– Да... Я как раз начинал служить в Ативерне, когда граф Иртон решил жениться. Я не был на свадьбе, но слухи ходили... объединение состояния графа и корабельной флотилии его тестя, барона Брокленда.

– Корабел.

Прозвучало, как прозвище. Да прозвищем это и было. Действительно, как еще назвать Августа Брокленда?

Корабел.

Душой, телом и делом.

– Так вот. Граф Иртон – обычный светский повеса, его супруга – самая обычная девушка, которую граф тут же и отослал в поместье, чтобы она не мешала ему жить светской жизнью. Даже наследника не сделал... или сделал, тут мне сложно сказать. По некоторым слухам, графиня была беременна, но потеряла ребенка.

– Вот даже как.

– Да. Это был первый этап. Второй... второй начался, когда граф уехал с его высочеством, наносить визиты, а графиня приехала ко двору. Могу сказать, что все были поражены.

– И чем же?

Горацио улыбнулся краешками губ.

– Вы поймете, молодой человек, когда увидите графиню.

– И все же? Хотелось бы что-то услышать сейчас?

– Графиня – редкая женщина. Умная, красивая, уверенная в себе, но что интересно – не вызывающая желания от нее отделаться. Вы знаете, как несносны бывают женщины, получившие в свои руки хоть капельку власти!

Тони пожал плечами.

Он – не знал, и совершенно искренне полагал, что место любой женщины – в постели. У него до сей поры примерно так и получалось, со всеми женщинами. А какие-то чувства, претензии, самоутверждение и прочее...

Это – женщина.

Ханганы в этом отношении наиболее умны, для них любая женщина, это прекрасный цветок, созданный, чтобы укра-

шать жизнь.

Ук-ра-шать.

Не диктовать, не командовать... есть такие, кто выслушивает нравоучения от розы в вазе? Нет? Вот и правильно.

Так Тони и действовал.

Женщины украшали его жизнь и постель, но командовать им? Не родилась еще такая баба!

Горацио улыбнулся.

– Графиня изучает лекарское дело под руководством знаменитого лекаря из Ханганата. Тахира Джиамана дин Дашшара, и весьма в этом преуспела.

– Женщина?

– Очень необычная женщина, достопочтенный Лофрейн. Очень. Поверьте, когда она вернулась из Иртона, ее не узнали. Другая женщина, совершенно другая семья, другое отношение к людям... все другое.

Тони пожал плечами – и не заметил тени злорадства в глазах дипломата.

Горацио Альден уже предчувствовал, как достанется нахальному мальчишке от графини. Действительно, Лилиан была уникальной женщиной.

Она не кокетничала, не интересовалась мужчинами, не выпячивала свою привлекательность напоказ... она просто предлагала свою дружбу. Или принимала чужие предложения.

И получалось... весьма интересно.

Горацио не был ни врагом, ни другом, так, один из массы придворных, но наблюдать со стороны было интересно. С посторонними людьми Лилиан Иртон была мила и спокойна, с друзьями – буквально искрилась обаянием внутренней силы, личности, с врагами...

Врагов у нее практически не было, разве что завистники. Но последнее время придворные решили, что связываться с графиней не стоит.

Слишком уж ее ценила королевская семья.

Глядя на Лофрейна...

Горацио подозревал, что наглый мальчишка попрет грудью на крепостные стены. И закономерно нарвется. Будет любопытно на это посмотреть...

А вообще, он предупредил, остальное не в его ведении.

– Что именно вы хотите от меня, Лофрейн?

– Представьте меня графине, Альден. Остальное я сделаю сам.

– Хорошо. Завтра похороны его величества Эдоарда и коронация. Я смогу достать для вас приглашение.

– Ии для моей спутницы. Леди Сейнель.

– Разумеется, для нее тоже.

– Вот и отлично. И... Альден, где можно найти хорошего портного? Я смотрю, ативернская мода отлична от авестерской? Не хотелось бы выглядеть отсталым. Да и траур, потом коронация... я не готовился к событиям такого масштаба.

Горацио пожал плечами.

– Я приглашу своего мастера. К утру у вас будет костюм.

– Замечательно. Буду ждать.

– Тогда с вашего позволения. И... Лофрейн.

– Да?

– Мой совет – примите ванну, а вот душистыми маслами не пользуйтесь.

– Простите, граф?

– Если вам предстоит общаться с графиней Иртон – последуйте моему совету. Она не любит запах грязного тела.

– А что еще она любит? Или – кого?

– Мужа. Детей.

– Граф, вы поняли, о чем я спрашиваю.

– Достопочтенный Лофрейн...

– Тони.

Два кота наорались, обнюхались и младший проявил желание мирно поделить помойку.

– Хорошо. Тони, – Горацио тоже решил проявить добрую волю, деваться-то некуда. – Его величество пишет, чтобы я оказал вам содействие. В чем? В соблазнении Лилиан Иртон?

– Да, и это тоже.

– Это плохая идея, Тони.

– Неужели?

– Ее не удастся соблазнить.

Энтони пожал плечами с видом: «Я-то еще не пробовал, не сомневаюсь, верных жен – не бывает, бывают неумелые

соблазнитель».

Горацио отзеркалил его жест. Вот уж не нанимался он управлять мозги самоуверенному мальчишке.

– Смотрите сами, барон. Но я бы не советовал.

– Я попробую.

– Вы надеетесь соблазнить ее сиятельство и получить доступ к секретам дома Мариэль? – догадался Горацио.

– Да, – не стал скрывать Тони.

– Это бесполезная трата времени.

– Я понимаю, она не может знать слишком много...

– О, нет, барон. Знать может только Лилиан Иртон. Торговый дом Мариэль полностью ее детище, и занимается им только она. Но вам это не поможет.

– Посмотрим.

– Посмотрим.

Мужчины разошлись каждый при своем мнении. Тони отправился ждать портного, Горацио ушел в кабинет и уселся там с бокалом вина.

Он не лгал, он хорошо помнил те события. И Лилиан Иртон знал неплохо. Именно он и пришел к выводам, что она стоит за делами торгового дома Мариэль, именно он дал королю эту информацию. Но чтобы его величество решил ТАК вступить в игру?

Ввести вот этого красавчика и надеяться, что дама растает?

Горацио оставалось только пожать плечами.

Он не верил в успешность данного проекта. Но – пусть. Не ему ведь отвечать?

Не ему. А Лофрейн получит все, что заслужил. Это еще если графиня ему не добавит. И поделом.

Граф не любил слишком самоуверенных нахалов. Да и кто их любит?

Означенный нахал в данный момент лежал на кровати и смотрел в потолок.

Лириан Иртон.

Какая она?

Его величество показывал миниатюру, но разве по портрету можно что-то понять? Тем более, живописцы обожают льстить заказчикам.

Графиня светловолоса и зеленоглаза – но и только. Вроде бы не страшная внешне.

Но чем она интересуется? Что любит, чего не любит, какой к ней требуется подход, чего она желает?

Все женщины – разные. И в то же время, всем им требуется одно и то же – сильный мужчина, за спину которого можно спрятаться. На этом Тони и играл регулярно.

Получится ли это с Лириан Иртон?

Кто знает...

Одним дамам нужны стихи и мадригалы, другим розы и драгоценности, третьим напор и натиск, четвертым игра и

тайна... объединяет всех женщин одно и то же.

Рано или поздно все они оказывались в постели у Энтони.

Лилиан Иртон не станет исключением. А там можно будет и дальше подумать.

Или уговорить ее бежать, или шантажировать, или...

Там будет видно. Там. Будет. Видно.

Лилиан Иртон съязвила бы на это: «Главное- ввязаться в драку, а там по обстоятельствам». Но Наполеона Бонапарта этот мир не породил, и его афоризм остался неизвестным широкой общественности.

Леди Ирида Сейнель блаженствовала в теплой ванне.

Как же хорошо!

Как чудесно...

Она откинула голову на маленькую вышитую подушечку, и мечтательно улыбалась,, глядя в потолок. Она в Ативерне.

Сегодня вечером придет портниха, а на днях она навестит салон Мариэль, присмотрит для себя нечто оригинальное. Деньги есть, а общество жестоко к тем, кто выглядит хуже других. Да, за последние несколько лет Ативерна стала законодательницей мод, а Лавери – местом паломничества модников со всех концов земли. В салоне Мариэль для всех находились свои новинки.

И обязательно надо будет себе заказать белье из кружева. Это так... интересно...

Кому продемонстрировать?

Найдется.

Но уж точно не Лофрейну.

На лицо леди Сейнель словно облачко набежало. Да, барон Лофрейн...

Нашла коса на камень.

Как это ни печально, ее чары на барона не действовали. В постель-то он ложился охотно, и действовал умело, но – и все. Ни подарков, ни признаний, ни восхищения – ничего. И леди Ирида понимала, что и дальше ничего подобного не предвидится.

Пользоваться ее телом Энтони может. Но отнестись серьезно?

Жениться?

Даже просто подарить нечто достаточно дорогое?

О, нет. Для этого барон слишком самовлюблен. Он считает, что доступ к его телу – уже сам по себе одолжение. И любая женщина, которая попала к нему в постель, должна это оценить по достоинству.

Не оценила?

Ну и дура, другую найдем...

Интересно, как он справится в Ативерне?

Хотя – нет, не интересно. И обидно, и хочется, чтобы ему как следует досталось на орехи, и чтобы муж графини проучил нахала...

Как настоящая женщина, леди Ирида меньше всего была

склонна прощать свои обиды. Даже если сама была во всем виновата.

Силком ее никто в постель не тащил, а что не дали всего желаемого...

Бывает.

Тони, кстати говоря, считал, что на него обижаться не за что. А за что, действительно?

Он ни в чем не клялся, ничего не обещал, порадовали друг друга и разошлись, вот и все. Чай, не невинная девушка, знала, за чем шла. То и получила.

Увы, леди Ириде этого было мало.

И досадно было, что в Ативерне ей придется заниматься только графом Иртон.

Только им.

А ведь можно и здесь найти себе хорошую партию, почему нет? Можно!

Но... Воля его величества Энтора превыше всего.

Или – нет?

Леди Ирида подумала еще немного.

Ну да, с одной стороны, воля короля – закон для подданного.

С другой стороны – кто ей мешает? Если найдется мужчина, достаточно богатый, знатный, не слишком старый, который ей заинтересуется – кто ей мешает?

Надо будет попробовать крутить и там, и тут...

Сидеть на двух стульях?

Нет, что вы! Попросту подстраховаться. На всякий случай...

Леди Ирида вытянула из ванны длинную ногу, полюбовалась собой...

Красотка!

Просто красотка!

Никто не устоит перед ее обаянием.

А Лофрейн?

А что – Лофрейн? Просто она им еще не занялась всерьез, некогда, знаете ли... вот будет время – и Лофрейн падет к ее ногам. Надо только подобрать к барону свой ключик.

Женщина откинула голову и прикрыла глаза.

Она мечтала о светлом и богатом будущем.

Похороны его величества, равно как и коронация нового – это вам не камерное мероприятие. Это церемониал.

Если купец, или там, плотник, могут похоронить своих близких спокойно, скорбеть в семейном кругу и никому ничего не показывать, то королю такое не светит.

Он – король.

Все для страны, все для державы, короли, которые думают и действуют иначе, на престоле долго не задерживаются. Нет у короля личной жизни, есть политика.

Жениться, влюбляться, жить, умирать – все согласно требованиям протокола. Международного.

И злобная же это тварь – политика!

Кусается, лает, рвет душу в клочья, а ты изволь соответствовать. Да не абы как, ты изволь сделать так, чтобы все были довольны. Свои подданные – в принципе, иностранные хотя бы внешне.

Вот и похороны его величества Эдоарда стали спектаклем.

Гроб везли по улицам, чтобы люди могли попрощаться.

Ричард и Мария первыми шли за гробом, за ними принцессы, потом – небывалая почесть – Джерисон Иртон с супругой, потом уже герцоги, графы, бароны...

Никто на Джерисона не шипел.

О том, что именно к Лилиан Иртон приехал знаменитый лекарь, который подарил его величеству несколько лет жизни, знали все.

И о союзе с вирманами, и о торговом доме, и о новинках... полезный человек – графиня Иртон. А если так, не стоит с ней и ссориться. А что Ричард дал возможность сыну проститься с отцом в последний раз...

Джес об этом не знал. Разве что догадывался, но вслух предпочитал ничего не говорить.

Алисия и Август шли на своих местах, как вдовствующая графиня Иртон и барон Брокленд.

Пожениться они пока так и не сподобились, несмотря на все укоры патера Воплера, который не оставлял надежды наставить их на путь истинный. Нельзя ведь в грехе-то жить!

Альдонай не одобрит...

Стража, которая шла по обе стороны – не стоит все же под катафалк бросаться, да и коням под ноги тоже не стоит, щедрой горстью разбрасывала монеты. Медь, серебро...

Кое-где и золото блестело.

Люди не дрались за монеты, они даже не поднимали их, пока не проезжала процессия.

Эдоарда любили.

При его царствовании страна не воевала, была спокойна и благополучна, не было голода, болезней... что еще надо?

Практически, ничего. Еще б и налоги не повышали... Эдоард, кстати говоря, не повышал. Даже отменил парочку. И соль подешевела, что тоже приятно. Было за что любить старого короля, было.

Как-то оно еще с Ричардом сложится?

Для обычного человека смена царствования с одной стороны вроде как и где-то там, далеко, король-то на троне, а репа – вот она. И ее посеять и собрать надо. И хлеб сам себя не пожнет и не смелет. Повседневные заботы они куда как важнее, чем какой-то король, ты может, его ни разу в жизни не увидишь, а увидишь – не обрадуешься.

А с другой стороны – кто его знает, что ждать?

Страна застыла, как монета на ребре, но в какую сторону она упадет? Орел? Решка?

Этого не знал даже сам Ричард. Он-то хотел править мирно, спокойно и мудро, но все помнят, куда ведет дорога, вымощенная благими намерениями?

Ричард, вот, теперь знал. Просветили.

Зеленая лента вилась между домов, пока не дошла до храма.

Альдон Роман уже ждал. Ждал, чтобы провести службу.

Потом тело Эдоарда опустят в подземелья храма. Именно там, в родовой усыпальнице лежат все короли Ативерны. Со времен самого первого короля.

Так было заведено, так будет, пока стоит Ативерна.

Лиля тоже плакала, не скрывая слез. Они как-то сами ка-
тились по лицу, пропитывали кружевной платочек...

Джес поддерживал ее, и это было кстати. И Лиле так было легче, и Джерисону – чем скорбеть, лучше о ком-то заботиться. К примеру, о супруге. Она женщина, хрупкая, трепетная... понимать надо! Дамская натура более слезливая...

Лиля могла бы многое сказать супругу. И про то, сколько тянут на себе женщины – лошади сдохнуть впору. И про «сопливо-истеричный» дамский характер.

Могла бы.

Но не станет. Если здесь такие правила игры, что проще – принять их или переламывать?

Муж прекрасно знает, чего от нее ждать, у них равноправный брак, партнерский, можно сказать, они ценят друг друга и уважают, чего еще надо?

А что они там изображают на людях, их личное дело.

Видят все, что граф Иртон поддерживает супругу, вот и пусть. А то, что на самом деле Лилиан позволила себе расклеиться, чтобы еще больше не рассыпался на кусочки ее супруг – ну так что ж? Дело житейское! Да и кому это интересно?

Из-под вуали, закрепленной на кокетливой зеленой шляпке с белой лентой, Лиля оглядывала храм. А что?

Похороны – тоже место для наблюдения за людьми. Его величество первый бы это одобрил.

Мертвым – могила, а живым те пакости, которые устраивают другие живые. И если их можно как-то предвидеть, предотвратить – грех не воспользоваться!

Действуйте, ваше сиятельство!

Лиля разглядывала придворных, подмечая мельчайшие нюансы в их поведении. Кто как стоит, кто как слушает, кто-то ждет конца церемонии, кто-то переминается с ноги на ногу...

Хороший докторус и в людях разбирается неплохо. И разговаривать с ними умеет. А как иначе анамнез собрать? Как поставить правильный диагноз?

Уж такая это профессия.

Не стоит забывать, что прообраз знаменитого Шерлока Холмса как раз и был медиком.³

Ричард горюет искренне. Равно как и ее супруг.

³ честное слово. Это был профессор Эдинбургского университета Джозеф Белл. Прим. авт.

Мария поддерживает мужа, примерно так же, как и она Джерисона. Разве что выглядит потверже. Но это и понятно, королева должна выглядеть оплотом для своего супруга.

Ричард для нее щит и меч, Мария для него – палатка и миска горячей еды. Долго ли провоюет воин на одних красивых словах? Каждому нужен отдых, защита, немного душевного спокойствия... пока молодой королеве это удавалось.

Ладно.

Пока еще принцессе, королевой она станет через несколько часов. Когда пройдет коронация.

Да, в тот же день, даже в том же месте.

Опустится в могилу тело его величества Эдоарда, и альдон проведет второй ритуал. Так это заведено в Ативерне.

Страна не должна оставаться без короля дольше необходимого. Примерно сутки и ни минутой больше.

Анжелина плачет искренне, не скрывая слез. Бран поддерживает жену под локоть, вот, он забрал у нее совершенно мокрый платок и протянул сухой. Анжелина даже не заметила, но Лиля понимала, что девушка в хороших руках.

Такие люди, как глава клана Гардрен, влюбляются крайне редко. Пожалуй, что белые вороны и черные овцы встречаются чаще, чем влюбленные хищники. Но если уж полюбят...

Лиля была полностью спокойна за принцессу. Та оказалась в хороших руках. Она и сама не будет о себе все знать, а Бран – будет. И пылинки лишней на нее не упадет.

Любовь остынет? Уйдет?

Э, нет. Не таков глава Гардрена, чтобы упустить сокровище, упавшее к нему в руки. Все у них будет хорошо.

А вот Джолиэтт...

Герцог Леруа стоит, словно ему кол вколотили страшно сказать в какое место. И что на его лице – не разобрать. Человек в себе, человек-маска, и поди, разбери, где он настоящий. Жену он даже не поддерживает – Джолиэтт застыла, словно статуя. Но лицо принцессы искажает настоящая боль.

Отца она любила.

Наконец тело закрыли крышкой саркофага. Прозвучали последние слова, служители отодвинули каменную плиту и под звуки музыки гроб начал опускаться в склеп.

Лиля еще раз подумала – плохо, что физику она не знала вообще. Сейчас можно бы лебедку сконструировать или еще что...

Увы.

Не ее. Вот медицина, биология, химия – это она все знала, ночью разбуди – ответит. Математику на уровне арифметики – тоже. Высшую математику она не слишком уважала – зачем медику интегралы?

А физика вообще никак не приживалась в уме девушки. Никогда.

Коронация.

Освященное масло, которое оставляет полоску на лбу Ричарда и Марии.

Короны, которые опускаются на светлую и темноволосую головы.

И благословение альдона.

Красиво, ярко, торжественно.

Зеленый – цвет траура, но это ведь и цвет жизни?

Жизнь продолжается, дамы и господа, жизнь продолжается, несмотря ни на что. И процессия выходит из храма.

Обратная дорога во дворец тоже на своих двоих. Без повозок, карет и лошадей. Но люди не жалуются. Это – честь, поучаствовать в таком мероприятии. Ричард, кстати, нескольких человек из списка вычеркнул по тем или иным причинам.

Лиля лишний раз порадовалась, что на ней удобные туфли. И зашагала рядом с мужем.

Такой уж сегодня тяжелый день...

Жаль, что съесть ничего нельзя. Эх, дура она, дура! Надо было хоть бутерброд в карман платья сунуть! Да хоть сыра кусок!

Или горсть орехов, как она делала во времена оны. Покупала арахис, насыпала в карман, и когда на лекции становилось голодно... поди, разгуляйся на стипендию. Родители хоть и помогали, но что они могли?

А арахис отлично утолял голод, не портил зубы и был дешев.

Не сообразила!

Вот и голодай теперь, идиотка!

Или жди до приема.

Хотя какой есть выход?

Лиля мрачно обозвала происходящее «разгрузочным днем» и в очередной раз промокнула слезы. Интересно, как обходятся дамы, с естественной косметикой из сажи и свеклы? И белилами из свинца?

Наверное, они не плачут. А она вот...

Прощайте, ваше величество.

Прощайте...

Во дворце уже все было готово.

И зала, в которую все набились, и трон, и музыканты, и стол...

По традиции – первый тост пили за ушедшего короля. Чтобы принял его душу Альдонай.

Второй – за нового короля.

Третий, если так получалось – за королеву. А дальше кто во что горазд.

Лиля пить не собиралась вообще. А искусством выливать выпивку она овладела давно, еще в студенческое время. Ах, эти золотые годы!

Кого не пытались подпоить, взяв «на слабо»?

Кого не провоцировали на студенческих вечеринках, ино-

гда и не с самыми добрыми намерениями? Лиля точно знала свою меру, но на голодный желудок? После целого дня на ногах?

Ей сейчас и кефира хватит, чтобы окосеть!

А потому вес три тоста благополучно отправились под стол, а Лиля принялась за мясо в сложном соусе.

Лакеи скользили вокруг столов, обслуживая знатных гостей. Тихо наигрывали какую-то мелодию музыканты.

Ричард и Мария сидели во главе стола. Обычай есть обычный.

Им предстоит просидеть ровно час. Потом можно уходить.

Собственно, никому сегодня король и не нужен особо. И поинтереснее есть занятия.

Потанцевать, отдохнуть, поесть разных вкусняшек – дворцовые повара превзошли себя сегодня. Есть даже особое коронационное меню.

Лиля с мрачным юмором подумала, что эти традиции придумал чертовски умный человек.

И королевство не разорвется на торжествах, все слито воедино, и похороны, и коронация, и придворные после целого дня на ногах просто падают, сейчас все быстро напьются, и можно будет понаблюдать пристальнее, кто чем дышит. Что у трезвого на уме, у пьяного на языке. А силы рассчитать после такого дня сложно. Вот хвост готова дать на отсечение, здесь полно людей Ганца. И это правильно.

Мало ли кто, мало ли что...

Компромат набирать надо в любых обстоятельствах, а эти ничем не хуже.

А завтра...

Завтра все уже пойдет, как люди привыкли, разве что вместо короля Эдоарда будет король Ричард. И вся разница.

Хотя и для Ричарда тоже. Он уже давно перенимал дела у отца, фактически, он почти правил страной последние два года.

Э-эх...

Не всесильна медицина. Но как хочется!

Лиля посмотрела на супруга, и поняла, что сегодня они ночуют во дворце. Джес уже был навеселе. А через несколько рюмок его и совсем развезет...

Да, никуда она его сегодня не потащит. Хорошо, Ричард им отвел покои во дворце. Только вот сейчас там все дети. Лиля их привезла, чтобы они могли потихоньку попрощаться с королем. Все же дедушка, пусть даже они об этом не знают. И Эдоарду было бы приятно.

Мири даже плакала. Искренне. Короля она любила.

А, ладно. Дети – и дети. Ничего страшного. Они как-то всемером в палатке ночевали – одноместной, и ничего, все живы. А тут шесть комнат на двоих взрослых и четверых детей. Не страшно.

Да, еще собаки и мангусты.

Лиля вздохнула, и потянула Джерисона танцевать. Пока

он опять себе не налил. Пусть сделает перерыв.

Горацио Альден потянул Энтони Лофрейна за колонну.

– Полагаю, сейчас ваше знакомство будет несколько преждевременным?

– Д-да... это – графиня Иртон?

– Да. И граф рядом с ней.

Тони впился взглядом в показанную ему блондинку.

Альдонай!

Спасибо тебе, эта женщина действительно достойна его усилий.

Высокая, крупная, с шикарной грудью и формами, которые легко просчитывались под пышным платьем, с роскошными золотыми волосами, с симпатичным, хотя и заплаканным сейчас лицом...

Что ж.

Это объяснимо.

Умер его величество, а как там будет мести новая метла – никому не известно. Хотя вроде бы граф дружен с Ричардом?

Но кто его знает, это надо уточнять.

А что еще можно сказать о Лилиан Иртон?

Ей безумно идет зеленое платье. И прическа. И маленькая шляпка на волосах.

Изумруды в украшениях – она богата, это видно. Кружевная вуаль, кружевная лента в прическе...

Рядом – граф.

Тони пригляделся... однако?

Можно сказать, ее сиятельство сейчас опекает его сиятельство. Вон, как смотрит, поддерживает под локоть, следит... не мешает напиваться и горевать, не лезет с сочувствием, но присутствует рядом. Интересно...

– Вы были правы, сейчас не время и не место для знакомства.

– Да. Позднее.

Альден исчез, а Тони продолжал наблюдать.

Графиня ему нравилась, хотя и тревожило нечто...

То ли поворот головы. То ли взгляд из-под длинных ресниц. То ли... нет, не понять. Но охота будет интересной, а добыча – достойной. Что еще надо?

Ничего.

Поохотимся!

Лилиан словно ощутила пристальный взгляд, повела плечами, отгоняя назойливую муху, и Тони едва не задохнулся от восторга.

Такая грудь!

Да, женщине с такой грудью можно простить многое, господа. Очень многое...

Пальцы барона зашевелились, словно ощущая упругую теплую тяжесть. Ах, хороша...

Интересно, какова она будет в постели? Тихая – или крикунья, охотница или дичь?

Он с удовольствием это проверит. Не часто бывает так – получаешь удовольствие, и при этом тебе еще платят, и расположение короля гарантировано...

Кажется, в этот раз ему повезло.

Какая великолепная женщина!

– Перерыв, мать вашу...

– Ми-лая! Д-рагая!

– Блин, почему я чувствую себя не графиней, а женой пьяного слесаря Васи? – спросила в пустоту Лилиан.

Джерисон юмора не оценил, потянулся поцеловать супругу, промахнулся и едва не загремел носом на пол. Лиля вовремя подхватила.

– Пойдем, дорогой.

– Д-да! А м-жет ще п-танц-вать?

– Обязательно, – пообещала Лиля, таща супруга к своим покоем.

Благородный граф напился до такой степени, что сознание уже ушло погулять. Так, осколочки остались.

А ноги, слава Альдонаю, еще кое-как слушались. Не то пришлось бы звать лакеев на помощь, и получилось бы некрасиво.

Ладно.

Надо еще рассольчика потом на кухне взять. Повара нальют без вопросов, знают, чем хорошо похмеляться. Не ру-

гать же Джерисона?

Эдоард ему был, как второй отец. Любящий и любимый дядя – официально, но тут важны не существительное, а прилагательные. Вот и напился супруг, в попытке хоть как-то позабыть.

Ладно.

Лиля подумала, что надо бы одного из детей назвать Эдоардом, если Ричард и Мария их не опередят. А может, и не опередят. Были у нее подозрения...

Хотя проверить еще надо, надо.

Вот и покои.

Лиля сгрузила супруга на кровать, стянула с него сапоги, подумала, и избавила его от части верхней одежды. И камзол ни к чему, и штаны... вот так. Нормально.

Хорошо иметь медицинское образование, в него входит и такая важная вещи, как ОСД. Основы сестринского дела, если расшифровать. Уход за больными.

Врач там, не врач, а Лиля это все знала и умела. И как правильно ворочать тяжелые тела, и как правильно переодевать, чтобы не сорвать себе спину – на все есть свои ухватки.

Она и сделала все, как учили.

На кухню за рассолом Лиля решила все же послать лакея. И так умоталась за сегодняшний день.

Понятливый парень слетал мухой, получил монету в качестве благодарности и исчез. Явится, как позовут.

Лиля поставила графин на столик рядом с супругом, улег-

лась рядом и провалилась в сон.

Мария сидела на кровати, у себя, в спальне.

Что делать – она пока не представляла. С одной стороны, сегодня у них с Ричардом состоялось более, чем официальное обручение.

Коронация.

Ее отец короновал только Милию, когда та подарила ему сына. Только. Ни одну из предыдущих жен он не сажал рядом с собой на трон, только у подножия. И корону та же Альбита надела не по праву, она короновала себя сама.

С другой стороны, свадьба у них с Ричардом состоялась, еще когда ей исполнилось шестнадцать. Мария помнила, как сидела во главе пиршественного стола, как провожали их с песнями и танцами в спальню, как раздели ее и уложили в кровать, как втолкнули к ней Ричарда...

И всю эту ночь они провели, играя в нарды!!!

Ричард отказался ложиться с ней в кровать. Мария до сих пор помнила его слова: «Мария, я не хочу рисковать. Ты стала мне дорогим и близким человеком. Я знаю, что ранняя беременность и роды вредны для женщины, поэтому, поженились мы сейчас, но вместе будем, когда тебе исполнится восемнадцать лет. Пойми меня правильно, ты чудесная девушка, и я... я бы хоть сейчас. Но потерять тебя не хочу. Слишком много я уже потерял в жизни.»

Он много говорил тогда.

Мария поняла, прониклась и поверила.

А потом Ричард поцарапал себе руку, чтобы на простынях осталась кровь. И до утра они сидели, и играли в нарды. Таскали с большого блюда засахаренные фрукты, пили вино, смеялись, шутили... это была очень интимная ночь. Очень личная. Мария и сейчас краснела от одного воспоминания.

Ложиться в одну кровать Марии почему-то казалось ужасно нескромным, да и смотрел Ричард на нее...

Он – смотрел.

И девушка ощущала себя желанной, привлекательной, такое не подделаешь...

Но близости у них не было.

У них были совместные покои, у них были смежные спальни, и проверенные слуги, которые держали язык за зубами, обо всем, что происходит в этих спальнях. И еще...

Мария точно знала, что у Ричарда не было любовницы во дворце. Такое не скроешь. Она знала, и радовалась, и ей это было важно. Ее уважали.

А еще Ричард регулярно приходил в ее спальню с тех пор.

И всегда приносил с собой что-то вкусное. Пирожки, кусок торта, те же фрукты... они все делили на двоих, смеялись, во что-нибудь играли, разговаривали...

Но дальше поцелуем Ричард не заходил.

А Марии хотелось.

Что именно происходит в постели она знала, спасибо той

же Лилиан Иртон. И не боялась. Ну... чуть-чуть.

Немножко.

Так... едва-едва.

Но Ричард не торопился, а как его самой соблазнить? Мария не знала, а Лиля ее учить отказалась. Сказала, такому муж должен обучать.

А он – будет?

Мария чувствовала себя откровенно неуверенно.

А потом из спальни Ричарда послышался грохот.

Мария подскочила и кинулась туда, забыв обо всем.

– Ричард!!!

Его величество сидел на полу, среди осколков вазы.

Вазу Мария не любила, ну да ладно...

– Рик, ты не поранился?

– Н-нет...

Пьян Ричард был до той стадии, когда ноги еще держат, а голова уже работать отказывается. Мария это поняла, и решила действовать.

– Давай, я тебе помогу встать.

– Я и с-м могу! – возмутился король всея Ативерны. И даже попробовал подняться, как гордый лев, на четвереньки.

Мария едва не хихикнула, но поняла, что смех будет некстати, и протянула Ричарду руку.

– Давай, поднимайся...

Кое-как ей удалось дотащить Ричарда до кровати. И Мария опустилась перед ним на колени.

– Дай сапоги сниму!

Ричард откинулся назад, на локти, и смотрел, как Мария стягивает с него один сапог. Потом второй...

Пеньюар распахнулся, открывая тоненькую ночную рубашку. Производство таких штучек Лиля наладила в первую очередь,, понимая, что их будут покупать и мужчины, и женщины. И на Марии сегодня красовался один из комплектов.

Бордовый шелк с черным кружевом, безумно идущий к ее темным волосам и матовой коже. Глубокий вырез показывал полную грудь, кожа словно светилась под тонкой тканью, а глаза были огромными и загадочными... и кто бы устоял?

Может, выпей Ричард чуть меньше...

Или реши Мария сопротивляться...

Но увидев, как на нее смотрит муж, она пискнула, засмушалась, покраснела... и окончательно решила свою участь.

Ричард ловко поймал ее за руку.

– Жена моя,, неужели вы меня бросите?

– А...

– Одного. Больного! Несчастливого!!!

Мария засомневалась в болезни, но решила пощупать Ричарду лоб. Ага. Губами....

Как-то незаметно губы сползли со лба на нос, на щеку, потом ниже...

А потом...

Потом оно как-то само собой получилось.

Поздно ночью, в самый темный час перед рассветом, Мария лежала без сна.

Ричард лежал рядом. Он то ли дремал, то ли нет, такое сумрачное состояние, между сном и явью. А юная женщина лежала и вслушивалась в себя.

Было совсем не больно. Чуть-чуть.

И не страшно.

И так хорошо... и Ричард обещал, что будет еще лучше.

Ее Ричард.

Ее муж. Ласковый и любящий. И Милия говорила, что пьяные мужчины гораздо хуже трезвых? Что они меньше прислушиваются к женщине, что не думают о ее желаниях...

А Мария ничего такого не почувствовала.

Ричард о ней заботился.

Значит, потом все будет еще лучше...

Она коснулась пряди волос, упавшей на лоб мужа. И...

Ричард повернулся на бок и сгреб жену вы охапку.

Глаза его были закрыты. А потом...

– Спи, Тира. Спи, любимая...

Мария не устроила скандал просто потому, что сил не было. Она словно в вате оказалась.

Вот кругом – облако. И не преодолеть его никак, не развеять...

Тира?!

Любимая!?

КТО!!!?

Ладно.

До утра осталось совсем чуть-чуть, а потом... потом она знает, у кого спросить. Несколько человек наверняка знают все ответы.

Кто. Это. Такая?

Тира...

Поутру слуги, убиравшие белье за их величествами, улыбались друг другу.

Спокойно так, понимающе...

Наконец-то.

Случилось.

Альдонай даст, еще и детишек понянчить удастся вскорости? Власть – она наследниками крепится, это всем известно. Скорее бы...

Утром, когда Лилиан проснулась, Джеса уже не было.

Рассола в графине – тоже. Зато рядом на кровати дремала здоровущая туша.

– Нанук! Свин мохнатый!

– Врррр, – сказал, не просыпаясь, свин, и вместо умыва-

ния, вылизал ее сиятельству лицо – от подбородка до лба.

Перевернулся и захрапел. Очень по-мужски.

Лиля рассмеялась, взъерошила густую шерсть и отправилась умываться.

Начинался новый день.

Джес появился примерно через час, к завтраку.

– Лиля, Ричард просил нас задержаться. Ты не против?

– Нет, – отозвалась Лилян. – Я только детей отправлю домой, ну и сама съезжу за вещами.

– И мне захвати что-нибудь. Сегодня очередной прием...

Лиля кивнула.

Официально, сегодня его величество будет представляться послам сопредельных держав.

Своим его вчера показали, чужим – сегодня. Все и так в курсе, но протокол такая штука, с ним не перекрутишься. Соблюдать надо.

– Захвачу.

– Ты у меня чудо.

– Как приятно, когда тебя оценивают здраво.

Джес улыбнулся, поцеловал супругу – и удрал. Надо полагать, к Ричарду.

Королю наверняка вчера пришлось еще хуже, так что...

Друг ему нужен. Лиля решила, что задержится на столько, на сколько понадобится приятелям, и принялась жевать.

Доедаем – и поехали домой.

Миранда не возражала, а мелкие были еще слишком мелкими, чтобы учитывать их мнение. Да и лучше им дома будет. Там двор, там сад, там и побегать, и поползать, и воздухом подышать, а во дворце что? Сиди в покоях и сиди...

Домой и только домой.

Но и дома дела нашли Лилиан.

Выдержка из протокола.

Составлено Ганцем Тримейном

Девушка (Женщина?)

На вид лет пятнадцать – двадцать.

Волосы светлые, глаза серые, среднее телосложение.

Тело находится в переулке. Лежит на спине. Руки раскинуты в стороны, левая нога поджата, правая вытянута.

Одето в коричневое платье, белый передник, чепец. На ногах – башмаки и чулки.

На руках порезы, видны следы веревок. На теле порезы, платье разрезано. Оружие предположительно длинный кинжал.

Живот вскрыт.

Мизинец отрезан.

На щеке след от поцелуя.

Объединить с делами №№ 1-5.

Г. Тримейн.

Протоколы №№ 1-5 не сохранились за древностью лет, но данный документ очень долго хранился в музее милиции Ативерны.

Глава 3

Балы, красавицы, лакеи... кобели!

Ее величество Мария смотрела на Лилиан Иртон спокойно, но решительно. Она была настроена на серьезный разговор. И не просто так...

Лиля ответила таким же взглядом.

Вчера состоялись королевские похороны, а сегодня ее величество пришла в гости?

Не приказала приехать, не вызвала к себе – приехала сама. Ждала, пока Лиля уедет из дворца и поехала следом, наплевав на приемы и балы, обязанности и дела. Явно потому, что во дворце слишком много лишних ушей.

А вот у Иртонов – ровно четыре уха. Два у Ляли, два у Нанука, и поверьте, у собак лишние уши, а у подслушивающих иногда обнаруживаются очень лишние ноги. Собака – это ведь не только милая улыбка, умильные глаза и густой мех, это еще и много-много очень острых зубов.

– Лилиан...

– Ваше величество, – Лиля попробовала сделать реверанс, но Мария остановила ее резким взмахом руки.

– Прекрати!

Лиля послушно кивнула.

Да, за прошедшее время принцесса Мария сильно изменилась. Это уже не был голенастый худой подросток, сейчас

это была вполне оформившаяся красивая девушка. Высокая, статная, с красивыми формами, пышной грудью и тонкой талией. Темные волосы, гладкая чистая кожа, громадные глаза...

Ее величество Альбита, на которую и была похожа принцесса, в молодости была потрясающе красивой женщиной. И дочь не уступала ей. Может, даже и превосходила кое в чем, в конце концов его величество Гардвейг не просто так был назван Львом Уэльстера.

Мария взяла лучшее от обоих родителей, и Лиля думала, что у Ричарда будут красивые дети.

Но не сейчас, чуть позднее. Ричард решил подождать с близостью до той поры, пока Марии не исполнится хотя бы семнадцать лет. А с детьми – и до девятнадцати.

Лиля не ставила себе в заслугу сексуальное просвещение монарха. Все было намного проще – после Тиры Ричарду не хотелось никого и ничего. Как приморозило. Бывает.

Близость с другой женщиной? После того, как потерял любимую? Единственную?

На это Ричард просто не был способен. Вот и уцепился за подходящий предлог, который ему предоставила Лилиан.

Мало ли что?

Ранние роды вредны для здоровья женщины, это давно известно, равно как и раннее начало половой жизни. Не стоит торопиться с некоторыми вещами.

Эдоард тоже не настаивал. Насколько поняла Лиля, с ним

поделилась некоторыми сведениями Анжелины, и его величество не стал давить. Представил себя на месте сына – и отступил. Молча.

– Что-то случилось? – отбросила она вежливость.

– Да, – кивнула Мария. – Лилиан, кто такая Тира?

Лиля прикусила губу. И понадеялась, что не выглядит слишком глупо. Но откуда Мария узнала это имя? Кто посмел?!

Видимо вопрос был явственно написан на лице женщины, потому что Мария прошлась по комнате, швырнула веер на диван, и снова повернулась к графине.

– Ричард говорил о ней. Ночью, во сне...

– Вот даже как?

Мария опустила глаза.

– Лилиан, мы...

Лиля подняла руки.

– Я поняла. Не стоит продолжать.

А чего ты непонятного? Видимо, смерть отца стала спусковым крючком для Ричарда. Захотелось, чтобы рядом с ним кто-то был... почему бы не Мария?

Сбегать из дворца он не стал, да и официальной фаворитки у него не было. Была одна милая девушка, кстати говоря, в замке Тараль, кружевница. Никто ничего и не подозревал, особенно-то. Вирмане помалкивали, не видя в этом ничего странного или удивительного, девушке тоже было много чего обещано за молчание, а остальные...

Замок Тараль и так был плотно обложен агентами Ганца Тримейна, промышленный шпионаж, знаете ли, никто не отменял. Так что сплетни и слухи гасились на подлете.

– Во сне Ричард метался, говорил, умолял отца не уходить, потом вспомнил Тиру, стал звать ее... я пробовала его разбудить. У меня получилось, но...

– Но? Ваше ве...

– Лилиан!

– Хорошо, Мария, – сдалась Лиля, понимая, что здесь и сейчас от нее требует ответа не королева. А просто – девушка, которая не знает, чего ждать. Девушка, которой страшно.

А кто бы не боялся неизвестного в таком-то уравнении? Когда решение приходится принимать на всю жизнь и нет возможности сделать работу над ошибками?

Ее величество опустила в кресло и уставилась на Лилиан.

Графиня плюнула и отправилась к небольшому бару.

– Выбирай настойку. Малиновая, вишневая, сливовая, брусничная?

– Вишневая, – выбрала Мария. – Нам она понадобится?

О нелюбви Лилиан к спиртному знали все. Выпить женщина могла только если была в большом душевном раздрае. Только так.

Второй случай – если подкрадывалась жестокая простуда, с которой можно было справиться именно так. Доза алкоголя внутрь, прогреться под тремя одеялами и поутру встать

здоровой. Но сейчас речь явно не шла о простуде.

– Тебе. Я так... составлю компанию.

– Все так серьезно? – попробовала улыбнуться одними губами Мария.

– Более чем, – кивнула Лилиан, и недрогнувшей рукой разила настойку из графинчика по рюмкам. Тоже – статья дохода торгового дома Мариэль.

Настойки, специальная тара – квадратные бутылки, стаканчики определенной формы...

Это даже не вопрос вкуса, скорее, вопрос престижа. Стоила бутылка столько, что Лиле даже жутко становилось иногда. Но – если у вас есть эксклюзивная продукция, по рецептам другого мира, на очищенном спирте, настоящая по всем правилам...

Наливка хоть и была вкусной, и градус почти не чувствовался, в голову била так, что Лиле хватало двух рюмок. И мозг уходил в туман. Вишневый.

Себе буквально пару капель, Марии до верха. Достала закуску – орешки, сухофрукты, сладости и кивнула на рюмки.

– Поехали.

Мария послушно сделала пару глотков. И Лиля начала рассказ.

– Тира уже мертва. И была мертва, когда Ричард познакомился с тобой.

Ее величество выдохнула с явным облегчением.

– Это хорошо.

– Да. Плохо другое – Ричард любил ее.

Мария сделала еще пару глотков.

– Любил?

Лиля развела руками.

– Я не хотела об этом говорить. Но – так было. Из песни слова не выкинешь.

– И продолжает любить?

Теперь глоток вишневки сделала уже Лиля.

– Не думаю. Скорее это... как несъеденное пирожное, знаешь?

– Н-нет?

– Ты попадаешь в гости. И видишь там красивое вкусное пирожное. Хочешь попробовать, но именно тебе оно не достается, его съедают раньше. Или тебя отвлекают чем-то еще, а оно закончилось. Может, и десять лет пройдет, и двадцать, но это пирожное ты будешь помнить. Обидно же! Не досталось!

Мария медленно кивнула.

– Ты думаешь, что у Ричарда это так же?

– Да.

Лиля мысленно попросила прощения у Ричарда за свое вранье. Она еще поговорит с ним, или лучше, с Джерисоном. Ладно, это надо обдумать. И с кем, и как. А пока важнее всего девушка, которая сидит напротив, смотрит глазами олененка Бэмби и просит, чтобы ей помогли. Хотя бы успокоили. Хоть пару слов сказали, если иначе никак!

Мария выдохнула и допила рюмку.

– Но что делать мне?

– Не обращать внимания, – четко ответила Лиля. – Не подавать вида, не лезть, не разговаривать об этом. Рассосется, уж ты поверь.

– Но Ричард ее помнит.

– И что? Она умерла. Остальное – неважно.

Мария медленно опустила ресницы.

– Спасибо, Лилиан.

Лиля почти по-матерински погладила темные волосы, уложенные в затейливую прическу.

Фамильярность?

Да, и недопустимая. Но здесь и сейчас – можно. Так уж получилось, что Лилиан Иртон оказалась для Марии близким человеком. Тут все сложилось один к одному. И участие Лилиан в спасении Милии с детьми, и благодарность принцессы, и путь домой, в Ативерну, когда другим дамам было не до принцессы, им было просто тяжело после всего случившегося, а Лиля и Мири как раз и уделяли большую часть времени будущей королеве, и помощь в Ативерне...

Лиля не искала для себя выгоды, и принцесса поняла это. Вот и получилось, что графиня Иртон стала для Марии кем-то вроде старшей сестры или тетушки. Надо же с кем-то хоть иногда советоваться?

Надо...

Вот и сейчас ее выслушали, дали совет и Мария знала, все

сказанное останется между ними.

А Лиля смотрела и думала, хорошо, что Мария еще молодая. Она не понимает главного, и Лиля не станет пока ей объяснять. Лучше она объяснит Ричарду, на что обратить внимание.

Нельзя состязаться с мертвыми.

В памяти любящих они всегда будут идеальны. Мария может выпрыгнуть из шкуры, но затмить Тиру ей не удастся. Никогда.

И полюбить ее так, как ты – Ричард не сможет. Это закон. Это – жизнь. А она частенько бывает жестока.

Анжелина не часто чувствовала себя виноватой. Но...

Ей тяжело было общаться с Джолиэтт.

Получалось так, словно ее счастье строится на несчастье сестры, и все об этом знают. Никто не осуждает, но... Но! Разве от этого легче?

Вроде бы Анжелина и ни в чем не виновата, и ничего сама не делала, а в то же время – так получается.

Неудобно.

Неуютно.

Раньше, до замужества Анжелины, сестры были очень близки. Но потом...

Джолиэтт возненавидела Брана Гардрена с первого же взгляда.

– Анжи, что ты в нем нашла?! – возмущалась ее высочество.

Анжелина только пожимала плечами.

А как тут ответишь?

Старая, старая сказка, о красавице и чудовище. О чудовище, которое умрет без красавицы. Но никто и никогда не думал, а что творится на душе у Красавицы?

А правда ведь?

Уродство – это как маска, под которой не видно душу. Красота – тоже. В своем роде, красота – идеальная маскировка. Ты очарователен – и тебе можно многое. Тобой восхищаются, тебя охотно принимают в компании, тебя любят, за тобой ухаживают... а что у тебя внутри? Кого-то это волнует? Мы видим красивую картинку, и не думаем, что модель, которая на ней запечатлена, может быть устала, или голодна, или у нее проблемы дома... нет.

Только внешность.

Чудовище полюбило Красавицу, разглядев в ней не красоту, а душу. И за это Красавица полюбила Чудовище. Сказка-то двусторонняя, и смысл ее в том, что красота и уродство, это всего лишь две стороны одной монеты. А люди охотнее смотрят на ту сторону, которая больше блестит.

Анжелина иногда чувствовала себя именно такой красавицей.

Принцесса, красавица, умница... ну и? Хоть кого-то из поклонников интересовало, что у нее на душе?

Ни-ко-го!

Именно потому и пришлась ко двору Лилиан Иртон с ее странными сказками.

Она умела слушать – и слышать. Она видела не принцесс, и Анжелина это понимала, она видела двух девочек, которые остались без матери, понимала их, сочувствовала... почему-то Джоли это больше раздражало, а вот Анжи наоборот, было уютно и спокойно.

Хоть кто-то видит в ней человека.

И Бран...

Муж увидел в ней – Анжелину.

Не принцессу, а просто женщину, жену, любимую... мало кто может этим похвастаться. И променять это Анжелина не была готова даже на королевский титул.

Джолиэтт этого просто не понимала. Вот и сейчас...

– Какой же он страшенький...

Анжелина и сама так думала, глядя на ребенка, поэтому кивнула и улыбнулась.

– Есть немного. Ничего, подрастет, и будет таким же красавцем, как Иан. Правда, солнышко?

Иан, который играл с Хильдой тут же, в углу, кивнул и улыбнулся мачехе.

Сначала он побаивался, честно-то говоря. Мачеха... в какой культуре нет сказок про злобных гадин, которые выходят замуж за отцов – и ну портить жизнь детям? Да во всех, наверное, есть такие истории.

Вот он и опасался.

Ладно еще за себя, он-то мужчина, взрослый, считай, серьезный мужик. А мелкая как?

Хильда ведь ни слова сказать не сможет, ни взглянуть... и нянька тоже не защита. Мало ли что?

Мало ли как?

Но Анжелина оказалась нормальной.

Если бы она пыталась как-то завоевать его доверие, если бы пищала от восторга, тиская малышку, уверяла, что будет любить малышей всегда и везде, до конца жизни и за ее концом...

Иан никогда не поверил бы в такое. Но ничего из вышеописанного Анжелина не делала.

Анжелина действительно хотела подружиться с пасынками, ради своего мужа. И поэтому... побаивалась. Ведь что-то не так сделаешь – потом уже не исправишь, а тебе с этими детьми жить, общаться, строить быт... и ты от них не избавишься, потому что это дети твоего мужа.

Любовь?

Пока ты их еще не любишь, но кто знает, что будет потом? Тут главное не лишиться себя шансов. А как поступить правильно? Как не ошибиться?

Анжелина просто не знала.

Шла, как по болоту, осторожно и неуверенно, медленно и с оглядкой. И Иан точно так же. А когда боишься, то и чужой страх лучше виден. И шаг за шагом, постепенно, несколько

жизней сплетались в один клубок, имя которому – семья.

Иан не полюбил мачеху до безумия. И жизнь бы за нее не отдал – его жизнь еще сестренке пригодится. Но признать ее – признал. И убить за нее мог, это – спокойно, с таким-то отцом. Почтения к чужой жизни у Гардренов вообще никогда не было. Скорее, Иан принял Анжелину и согласился делить с ней и пространство, и жизнь. И это было намного честнее слов о большой и красивой любви.

Анжелина поступила примерно так же.

Она любила Брана, Бран безумно любил своих детей.... Смерть старшего он вообще переживал так, что едва вытянули, а потому...

Если она не наладит отношения с малышами, ее мужу будет... неприятно. Значит надо постараться. Анжелина старалась, Иан старался – и у них все получилось. Это еще не была любовь, как у Лилиан и Миранды, но безусловно – дружба, понимание, приятие, желание идти дальше... мало?

Очень много.

Джозилэтт она это объяснить не могла. Сама понимала очень на грани, но ведь было же, было! И получалось постепенно... Анжи чувствовала, что если все пойдет хорошо, то когда-нибудь Иан скажет ей самое главное слово в мире.

Мама.

Ради этого стоило поработать.

А вот сестра этого не видела в упор. И сейчас смотрела на мальчика, пожимаемая плечами.

– Анжи, может, малыш пока пойдет, погуляет? Посмотрит что-нибудь интересное?

– Иан мне не мешает, – отозвалась Анжелина. – Секретов от сына у меня нет.

– Пасынка.

– Сына. Джоли, мы ведь это обсуждали.

Джолиэтт поморщилась.

– Ладно... скажи, вы собираетесь все лето сидеть в поместье?

Анжелина подняла брови.

– Разумеется. У меня трое маленьких детей.

– Поручи их нянькам. Скоро бал, я хочу, чтобы ты присутствовала. Ты стала совсем домашней курицей с этим вирманином.

– Я люблю своего мужа и мне с ним хорошо, – безмятежно отозвалась Анжелина. – Извини, сестричка, я не хочу на бал.

– Ты еще не восстановилась? Хотя да...

– Со мной все в порядке. Но я лучше посижу дома.

– Анжи!

– Извини, сестричка. Попрощаться с отцом я была обязана, но в остальном... Лилиан посоветовала мне не ездить в город слишком часто. Лето, мухи, жара, болезни, а у меня маленькие дети. Я не хочу, чтобы они заболели.

Джолиэтт поморщилась.

– Дом, дети, муж... Скучно же! Анжи!

– Меня все устраивает.

– Анжи, плюнь на все – и приезжай!

– Извини, сестренка. Нет.

Джолиэтт пыталась уговорить сестру больше часа. Потом махнула рукой и распрощалась, весьма недовольная.

Иан фыркнул и полез на кровать к мачехе.

– Мне она не нравится.

Анжелина вздохнула. Взъерошила пасынку мягкие волосенки на макушке.

– Джоли хорошая. Просто мне повезло – у меня есть папа и вы все. А у нее никого нет.

– А этот ее... облезлый?

– Герцог Леруа? – Анжелина невольно хихикнула. Да, дети попадают в точку. Всегда. Потому что их жизнь еще не научила ни врать, ни лицемерить.

– Ага, он.

– Джоли его не любит. И он ее тоже.

– И я ее тоже не люблю. Она какая-то... злая внутри. Не как ты.

– она тоже хорошая. Только очень несчастная.

– Нет. Несчастные – другие. А она просто злая и гадкая.

Анжелина махнула рукой и не стала разубеждать ребенка. Тем более, что Иан был настоящим отпрыском своего отца. Если упрется – не свернешь. Значит, не стоит и разубеждать. Потом, постепенно, она поговорит с Браном...

Да и на бал совершенно не хотелось. Ни на какой.

Ни на балы, ни на морские прогулки, ни на пикники, ни

на выезды – никуда. Муж, дети, спокойная и тихая жизнь... Анжелина была удивительно похожа на свою мать, Джесси-мин, которой тоже не надо было ничего больше.

Любимый человек – и дети.

И все. Это и есть счастье.

Джолиэтт этого понять не могла. Увы...

А Иан грелся рядом с мачехой, которая рассеянно обнимала его, и думал, что надо поговорить с отцом.

Не нравилась ему эта тетка. Вот не нравилась – и все тут.

Пусть она лучше не приезжает.

Альдоной знает, как Ричард хотел избежать этого разговора. Но...

Мария – его жена.

Нравится ему или нет, любит он до сих пор другую или нет, Мария с ним навечно. В горе и радости, богатстве и бедности, до самой смерти.

Она будет делить с ним трон и власть, будет матерью его детей, его тылом и опорой.

Случись что, она станет регентом.

Ладно, Джерисон – и Мария. Одну женщину-регента аристократы не потерпят, да и не справится Мария. На, как и ее мать... тьфу ты!

Не воспринимал Ричард свою жену дочерью бунтовщицы. Только дочкой Милии Уэльстерской.

Милой, нежной, домашней...

Мария была именно такой, и то, что о ней рассказывал Джерисон, только подтверждало информацию. Да и сам Ричард видел.

Такую обидеть – это как котенка ногой пнуть. Гадкий и пакостный поступок, вот.

А вчера...

Выпил он вчера, вот и не удержался. И никто бы на его месте не удержался.

Но как объяснить Марии, что им хорошо бы еще подождать? Как ее при этом не обидеть?

Нет ответа.

Ричард толкнул дверь в спальню.

Мария сидела на кровати, на этот раз во всем белом. И выглядела совсем ребенком. Волосы заплетены в косу, лицо чистое и свежее, а глаза тревожные, внимательные...

– Рик?

– Мария, милая...

Ричард уселся рядом, взял девушку за руки, но заговорить не успел.

Мария облизнула губы. А потом...

– Ричард, пожалуйста, выслушай меня?

– Да?

Неужели он ее обидел?

Сделал больно?

Пьяный дурак!

Но Мария смотрела как-то... странно? Не обиженно, нет...

– Ричард, я всегда буду рядом с тобой.

– Мария?

– Я тебя никогда не брошу. Ты мой родной, единственный, я тебя всегда любить буду. Не отталкивай меня, пожалуйста.

Тонкие руки легли Ричарду на плечи, губы приблизились к губам, и... кто бы отказался в такой ситуации?

Ричард железным не был.

Про то, что назвал Марию чужим именем, он и не помнил. Да и Лилиан отсоветовала заговаривать с ним об этом.

Подобные вещи мужчины должны рассказывать сами – и не жалеть об этом. Или потом всю жизнь эта тень висеть будет.

Нет уж.

Подчеркивай, как можешь, что та, другая, мертва, что ты жива, что ты будешь рядом, что ты его любишь – и люби.

И рано или поздно, так или иначе...

Нельзя соперничать с воспоминаниями, но заменить их на новые – вполне возможно. Этим Мария и занялась.

Пусть прошлое хоронит своих мертвецов. А ей надо строить будущее.

Светская жизнь шла своим чередом.

Придворные обратили внимание на изменение отноше-

ний между их величествами – не слепые же все вокруг и не глупые.

Все видели, как их величества дотрагивались друг до друга, как общались... между ними появилась определенная теплота, интимность даже. Такое не скроешь.

А Ричард и не скрывал.

Он был однолюбом, он понимал, что никогда не сможет забыть Тиру, и всегда, до конца своей жизни, глядя на луну, будет видеть платиновые волосы, голубые глаза....

Более несхожих девушек, чем Мария и Тира, еще было поискать. Все разное, все.

Волосы, глаза, фигура, поведение, характер... так оно и к лучшему.

Конечно, к лучшему. Искать замену – только сердце в ключья рвать, лучше уж сразу сказать, что это не та, что той никогда не будет...

Может быть, Альдоной смилостивится над ним?

И когда придет его черед, Тира легко сбежит по лунному лучу, протянет руку, улыбнется... идем, любимый? И Ричард сможет уйти рука об руку со своей единственной любовью.

А пока – нет.

На нем долг перед Ативерной. Он должен воспитать сына, преемника, передать ему трон, проследить, чтобы потомок не наломал дров – и только тогда...

Сорок лет?

Пятьдесят?

Да кто ж его знает, сколько Альдонай даст.

Все его будет. И ни минуты он не потратит зря. И когда предстанет перед Альдонаем, посмотрит и скажет: «Я не любил жену. Но я не сделал ее несчастной». Ричард помнил ошибки отца и учился.

А Мария просто любила.

Она была молода, она была счастлива, она надеялась на лучшее...

Она справится, обязательно справится!

Ричард полюбит ее!

Ей еще никто не говорил, что можно любить по-разному.

Лиля с отвращением посмотрела на приглашение. Но...

Коронованным особам отказывать не принято. Ладно, она может это сделать.

Ине пойти никуда. И остаться дома. И вообще...

Как ей неохота ни на какой бал!

Со дня смерти его величества и двух недель не прошло. Но у светской жизни свои законы, она не останавливается ни на день.

Приглушается, оттеняется траурными бантами и накидками,, но не прекращается. Эдоард давно понял, что Лилиан Иртон полезнее в замке Тараль, чем во дворце, и не злоупотреблял, но есть мероприятия обязательные, на которых быть попросту надо. Иначе решат, что ты впадаешь в неми-

лость. А это уже плохо для дела.

Придется им с мужем ехать на бал.

А потом еще на выезд.

И вот тоже...

Приезд знаменитого поэта. Тьфу!

Местных поэтов Лиля не любила. Она и родных-то не понимала, вот честно... не дал Бог таланта, ну и любви к стихам не додал. Вот латынь – дело другое, латынь Лиля учила, потому что там было просто, понятно и доходчиво. А стихи...

Не давалось!

Сказки – дело другое, а стихотворения Лилиан не слишком уважала, еще во времена оны. А уж местные поэты с их мадригалами, балладами, и прочими стихотворными формами... они вызывали у несчастной графини Иртон реальный приступ зубной боли.

А зубной боли Лилиан боялась до истерики. Она не стоматолог, это совсем другое направление, даже если она что-то и посмотрит, то вырвать зуб... уже вряд ли сможет как следует.

А доверяться местным коновалам?

Брррр!

Поэтому зубы Лиля чистила шесть раз в день, а иногда и восемь, пристально рассматривала, и радовалась, не находя кариеса. Молочные продукты твердо отвоевали себе место в ее рационе.

Лучше уж предупредить, чем лечить.

Так же неусыпно она следила и за всеми близкими. Джерисон ворчал, потом смирился и даже начал получать удовольствие. Любимая женщина должна быть приятной на вкус, разве нет? А не благоухать позавчерашней котлетой или утренней яичницей.

Ох...

Планируется выезд на природу.

Пикник у моря, поэт читает свои вирши... да пропадом он пропади! А ехать-то придется.

Ричард обещал часто их не терзать, но если уж присылал приглашения, то отказываться было нельзя. Такой негласный договор. Джерисону хорошо, он с малолетства ко всему этому привык, при дворе, как рыба в воде, а Лилиан каково? Она от всего этого шипит, как кошка от воды, но деваться-то некуда!

Надо идти...

Лиля скривилась, и пошла выбирать платье. Хорошо, цвета Иртонов белый и зеленый, так что траурный бант идеально подойдет к наряду. Были бы они, к примеру, розовый и фиолетовый, и пришлось бы куда как сложнее. Поди подбери оттенки так, чтобы не выглядеть пугалом.

Э-эх...

Снова туда, где море огней.

*Снова туда, с тоскою моей...*⁴

Лиля насвистывала про себя песню, приближаясь ко дворцу.

А куда деваться? Бал, да. Но тоскаааааа...

– Мам, не зевай, – Миранда подмигнула мачехе и получила в ответ тоскливый взгляд.

– Мири, тебе хорошо, тебе это нравится.

– Мам, мы все это проходили. Смирись и получай удовольствие.

– Удовольствие я буду получать от другого, – проворчала Лиля.

Джес расплылся в улыбке, и привлек к себе супругу. Миранда весело улыбнулась. Родители...

– Например, любовь моя?

– Например, тихий вечер у камина, с книжечкой, – не удержалась Лилиан.

– Обсудим, – блеснул глазами Джерисон. – И вечер, и камин, и книжку. Обязательно.

Этим все сказано.

Родители.

– Это ненадолго, часов на пять, потом домой поедem, – «утетила» их Миранда.

Лиля прикрыла глаза. И пока никто не видел, скинула в карете туфли.

Потом наденет. И мечтать будет о паре минут покоя...

⁴ Георг Отс. Ария мистера Х. прим. авт.

Ну почему ЭТО – ей?

Никогда она не мечтала ни о светской жизни, ни о балах, ни о приемах... лучше бы ей три ночных дежурства подряд поставили! Даже четыре!

Судьба ехидно ухмылялась, наблюдая за графиней Иртон.

Мирной жизни захотела?

Медицинской практики?

А вот тебе... балов в корзинку!

Приезд гостей.

Общение (мало ли кто опоздает), опять же, надо дать людям время поздороваться.

Выход их величеств.

Танцы.

Первый танец Ричард танцевал с Марией, открывая бал. А потом уж и придворные вступили.

Сегодня ужин не предусмотрен, поэтому гости только танцуют.

В соседнем зале играют, в третьем – прогуливаются и мирно беседуют, в четвертом сидят в креслах, попивают вино и тоже беседуют, в пятом сплетничают дамы, в шестом....

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.